

САРА ПИНБОРО

13

МИНУТ



Annotation

Шестнадцатилетнюю Наташу нашли морозным утром в реке. К счастью, девушку удалось спасти. Она не помнит, что произошло в тот день, и ей кажется странным поведение друзей: они что-то скрывают. Сейчас главный вопрос для Наташи – как она оказалась ночью в реке и как с этим связаны ее лучшие подруги, Хейли и Дженни. Кто и почему хотел ее убить? А может, к глупому поступку подтолкнуло собственное безумие?...

Сара Пинборо

13 минут

*Посвящается Барии, доктору Гонзо для моего Дюка и Пэтс/Едс
для моих Едс/Пэтс, с большой любовью*

Офелия.

Она была юна. Не больше восемнадцати. Возможно, и меньше. Ее волосы намокли, и в сумраке было не разобрать, светлые они или каштановые. Ее белая одежда ярко выделялась на фоне темной реки, словно подчеркивая белизну свежего снега, тяжело легшего на землю. Бледное лицо со слегка приоткрытыми посиневшими губами было повернуто к чернильному небу. Согнутые ветви, лишенные листьев и местами сломанные зимней непогодой, будто сами подхватили ее, чтобы спасти, удержать на плаву.

Пар от его дыхания создавал подобие тумана. Несмотря на неистовый лай Бисквита, он слышал, как громко хрипело у него в груди, и, казалось, тревога, что привела его с дорожки к берегу реки, пришла откуда-то издалека. Он оцепенел. Было пять сорок пять утра, и в реке была мертвая девочка.

«Я клише, – было его следующей связной мыслью. – Я гуляющий ранним утром собачник, который находит тело». Бисквит метался вверх и вниз по грязному снегу, добегая до края воды, взбешенный, нетерпеливый, встревоженный таким изменением их обычного распорядка, его неправильностью.

Собака повернулась мордой к хозяину и заскулила, но он все еще не мог перестать пялиться, пальцы вцепились в телефон, лежащий в кармане толстой куртки.

А потом он заметил это. Всего лишь легчайшее движение ее руки.

Затем, через пару секунд, еще одно.

Он выгуливал Бисквита так рано не по необходимости, а из-за тишины. Потому что время течет медленнее в часы, когда мир еще спит. Это было очень спокойное время, да и он никогда не любил много спать.

Вечерняя прогулка предназначалась для вежливых разговоров с другими хозяевами собак, пока их питомцы бегали по лесу и парку. Утро же принадлежало только ему. Это был его распорядок, точный как часы, не нарушавшийся при любой погоде, только изредка его могла изменить болезнь. Подъем в пять, даже если он закончил записывать только в два часа ночи. Потом кофе. Выход из дома точно в пять двадцать. Однако этим утром они вышли на пять минут позже, что было редкостью. Бисквит спрятал ошейник, который в итоге нашелся под диваном. Затем прогулка через луг и вдоль извилистой реки, около часа в лесу, а после этого по пути домой он заходил за газетами, которые читал во время завтрака. Еще он брал теплый круассан в пекарне, если они уже были готовы. Это время было священным и принадлежало только ему и Бисквиту, дополнительные часы драгоценной жизни. Иногда он звонил младшей сестре в Нью-Йорк – успевая поймать ее перед сном и проверяя, возвращается ли ее мир все еще в верном направлении, – и после горько-сладкого момента река жизни забирала сестру обратно и уносила от него. Иногда она удивляла его по утрам, звоня сама, и эти дни были самыми лучшими.

Похожая на мрамор рука снова шелохнулась, и вдруг он почувствовал, как холодок пробежал по спине, ощутил собственное сердцебиение. Он ясно слышал громкий лай Бисквита, а затем телефон оказался уже возле его уха и к общему гаму добавился его голос. Закончив говорить, он бросил на землю телефон и снял куртку. Река не заберет эту девочку, пока не придет ее время.

Потом все происходило как в тумане. Весь воздух вышел из легких от шока, когда он шагнул в ледяную воду. Он поскользнулся. Почти ушел под воду. Судорожно дышал. Ухватившись за что-то онемевшими пальцами, тянул ее к берегу. Тяжесть ее промокшей одежды и неожиданная тяжесть его собственной. Он закутал ее обмякшее тело в куртку. Ломкость ее мокрых волос. Отсутствие теплого дыхания из ее рта. Он говорил с ней сквозь стучащие от холода зубы. Бисквит облизывал ее замерзшее лицо. Зазвучали сирены. Его завернули в плед. Пройдемте со мной, пожалуйста, мистер Мак-Махон, все в порядке, я вам помогу. Все хорошо, теперь мы этим займемся. Его поставили на ноги, которые еще плохо двигались, и повели к «скорой помощи». Но прежде он увидел мрачные лица. Покачивание головой. Дефибриллятор.

Разряд!

Пока они работали, стояла страшная тишина. Он, мир, природа – все замерло. Но не время. Время продолжало идти. Сколько минут? Сколько они просидели на берегу, пока она не начала дышать? Сколько прошло времени до того, как приехала «скорая»? Десять минут? Больше? Меньше?

Я чувствую пульс! Я чувствую пульс!

А затем он заплакал, горячими и внезапными слезами, вырвавшимися из глубины души.

Стоящий возле него Бисквит придвинулся к нему, и он ощутил запах влажной шерсти. Пес царапал когтями его лицо, облизывал щеки, посапывая и скуля. Он обнял его, подтащил под плед, а затем поднял взгляд на зимнее небо, которое уже не было ни по-настоящему ночным, ни утренним, и подумал, что оно никогда так сильно ему не нравилось.

Суббота, 9.03

Дженни

Почему ты не берешь трубку? Возьми телефон! Твою мать.

9.08

Дженни

У тебя телефон на вибро? ПРОСНИСЬ!

9.13

Дженни

Я волнуюсь. Мама плачет. Думаю, она все еще пьяна. Хочет поехать в больницу. Какого черта??

9.15

Дженни

ВОЗЬМИ ЧЕРТОВУ ТРУБКУ!!!

Что, блин, происходит?

09.17

Хейли

Тут был отец Сью!!! Разбудил меня. Меня, блин, трясет. Какого хрена, какого хрена, какого хрена?!

Наберу тебя из ванной. Удали эсэмэски.

Вчерашний день 2. ЧЕРТ?!

9.18

Дженни

К.

09.19

Хейли

НИЧЕГО НЕ РАССКАЗЫВАЙ

– Ребекка!

Голос ее матери, громкий и требовательный, прорезал мозг Бекки, и она натянула одеяло на голову, чтобы спрятаться от него и снова погрузиться в дрему. Была суббота. Слишком рано. Сколько бы ни было времени, еще слишком рано. И очень холодно. Пальцы ее ног были ледяными, и холодный воздух пробирался под одеяло в зазоры между ним и кроватью. Она, подтянув одеяло ногами, закуталась в него.

– Ребекка! Спустись вниз! Это важно!

Она не шелохнулась. Что бы это ни было, оно может подождать. Хотя бы пять минут. Она дышала неглубоко, не желая высовываться, чтобы глотнуть воздуха. Ее волосы пахли дымом, голова слегка болела – прощальный подарок вчерашней травки и табака. Если еще нет двенадцати, она убьет маму. Субботы принадлежали ей. Это был их уговор.

– Сейчас же! Я серьезно!

Она отбросила одеяло и села, злая. Что, черт возьми, может быть таким срочным? Она мысленно прошлась по замутненным воспоминаниям. Не было ночных перекусов, поэтому в кухне не должно было остаться никаких коробок от пиццы или банок из-под колы. Телевизор выключен. Она заперла дверь на оба замка. Все, что она сделала, – это вернулась домой, тихо прошла в свою комнату и выкурила последний косяк, выпуская дым в окно, прежде чем отключиться под какую-то дурацкую комедию на «Netflix» ^[1]. Даже *не поздно* пришла. Она взглянула на открытое окно и вздохнула. «Молодец, Бекс. Неудивительно, что тут как в Антарктиде». По крайней мере, в воздухе не было запаха застоявшегося дыма.

– Бекка! – Пауза. – Пожалуйста, дорогая!

– Иду! – крикнула она в ответ голосом, похожим на шорох гальки, и в голове застучало от этого усилия.

«Теперь без обычных сигарет», – подумала она, натягивая спортивные штаны и надевая через голову толстовку. В груди было отвратительное ощущение. В комнате было как в холодильнике, и кожа у нее стала гусиной. Сок. Ей нужен был сок. И чашка чая. И сэндвич с беконом. Может, сойти вниз – не такая уж плохая идея. По крайней мере, там тепло. Но все же разговор с матерью с самого утра был не тем, в чем она *когда-либо* нуждалась. Она предпочитала вставать после того, как все уже уходило из дома. Побывать в тишине, для чего не нужно запирается у себя в комнате. Еще два года, и она сможет сбежать в университет. Уехать из этого дома, из этого удушливого города – и вперед, к свободе. Возможно, в Лондон. Определенно в большой город. Туда, куда Эйден мог бы поехать с ней, чтобы строить там свою музыкальную карьеру.

Они бы жили как богема, и в конце концов однажды в журналах появились бы истории об успешной паре, когда-то сидевшей на лапше «Рамэн» в какой-то захудалой и закоптелой (но все же крутой) квартире и в то же время следовавшей за своей мечтой. Вот как это будет. Но все еще оставалось два *долгих* года до того, как это станет чем-то большим, чем фантазия под кайфом.

Она с трудом собрала волосы в подобие хвостика, побрызгала их дезодорантом и, шаркая ногами, вышла из своего святилища, захватив с кровати телефон. Она нажала на кнопку возврата, чтобы посмотреть время. Десять тридцать четыре.

Четырнадцать сообщений в «iMessage», шесть в «WhatsApp» и два пропущенных звонка.

Она нахмурилась, удивленная списком имен. Она не была настолько популярна. У нее никогда не было с утра четырнадцати сообщений, разве что от Эйдена, когда он был под кайфом. Она пролистывала их, пока спускалась по лестнице. В основном это были групповые переписки. Это понятно. Ее многие добавляли в друзья в социальных сетях. Она не позволила крошечным иглам себя ужалить. Ну какое ей до этого дело?

Слышали новости?

Знаете, что пишут о Таше Хоулэнд?

Сумасшедшая история в новостях!

Вы должны это увидеть!

К тому времени, когда она прочитала все сообщения и дошла до кухни, она уже полностью проснулась. Во рту пересохло.

Мать, стоя у кухонной стойки, смотрела маленький телевизор, установленный в углу, против покупки которого так боролся ее отец, – *слишком много телевизоров, компьютеров, телефонов, везде технологии, никто больше не разговаривает*, – но проиграл битву, два против одного. Перед ней на тарелке лежал нетронутый тост. Она, побледневшая, даже не оглянулась, не оторвала взгляд от экрана.

Кожу Бекки покалывало, частично от мрачного предчувствия, частично от необъяснимого волнения.

– Что случилось с Ташей? – спросила она. – Мой телефон разрывается.

Тогда мама, повернувшись, заключила неуклюжую фигуру Бекки в свои объятия, обдав ее теплым ароматом крема для лица и духов с цитрусовыми нотками. Даже по субботам Джулия Крисп следила за собой. Ее тонкие руки под кашемировым свитером были мускулистыми, и Бекка при виде ее мгновенно начинала чувствовать себя толстым ребенком, каким она когда-то была, снова и снова. Поговорка «яблоко от яблони» совсем им не подходила.

– Это ужасно. Она в коме. И это во всех новостях. – Мать гладила ее рукой по спине, но Бекка отстранилась, притворившись, что хочет лучше видеть телевизор.

В присутствии мамы она чувствовала себя неловко. Переходный возраст возвел между ними барьеры, и ни одна из них не знала, как их преодолеть.

– Я уверена, с ней все будет в порядке, дорогая. Я уверена, так и будет.

– Она попала в автомобильную аварию?

Наташа в коме? Этого просто не может быть. Такое дерьмо не случается с девочками типа Наташи. Это происходит с такими, как Бекка.

Она выдвинула стул, села и начала смотреть новости, игнорируя жужжание телефона и мамино заботливое щебетание. На экране Хейли и Дженни, с красными глазами, но все равно выглядящие идеально, спешили в больницу с прицепившимися к ним, словно сухие листья к шерсти, родителями. Еще две Барби. Конечно они там. Поспешили к своему любимому лидеру.

– Я знаю, что вы были близки, дорогая. Хочешь...

– Шш. – Она заставила мать замолчать, даже не взглянув на нее.

А тем временем репортер с покрасневшим от пронизывающего холода носом

отбрасывала назад волосы, которые ветер задувал ей на лицо, и говорила в микрофон с той неискренней искренностью, на какую способны только журналисты.

* * *

Спустя час Бекка стояла на маленьком балконе в квартире Эйдена, дрожа рядом с ним, пока он прикуривал «Marlboro Light». Он протянул ей пачку, и она взяла сигарету, ее утренняя решимость бросить курить исчезла. К черту. Как бы то ни было, сейчас слишком рано для косяка, и даже в расслабляющей атмосфере дома родителей Эйдена явные наркотики были под запретом. Его мама, наверное, подозревала, что он курит травку, – наверняка чувствовала запах из его спальни, – но была далека от того, чтобы мириться с этим.

– Говорят, что она была мертва тринадцать минут. – Бекка переступала с ноги на ногу, чтобы не так холодил ледяной воздух, пока они курили. – То, что ее смогли реанимировать, называют чудом.

– Ей повезло, что так холодно. – Эйден смотрел на падающий снег. Сильный снегопад продолжался с рассвета.

Бекка подумала, что он выглядит почти как ангел на фоне белого и серого, покрывающего мир. Возможно, не такой ангел, какими их представляют другие, но все же ангел для нее. Бледное лицо, острые черты, густые темные волосы и эти ясные глаза, сияющие синевой из-под длинной бахромы ресниц. Ангел или вампир. В любом случае, ей до сих пор приходилось иногда щипать себя, чтобы поверить, что он с ней.

– Наверное, это ее и спасло, – сказал он. – Ледяная вода снизила температуру ее тела так быстро, что сердце стало работать в таком режиме выживания.

– Откуда ты об этом знаешь? – спросила Бекка.

Он застенчиво усмехнулся:

– Видел в каком-то старом фильме про подводных пришельцев.

– Хотя это странно, да? Быть мертвой, а потом снова стать живой, – сказала Бекка. – Тринадцать минут – это много.

– Интересно, видела ли она что-нибудь? Ну, яркий свет и подобную чушь.

– Зная Наташу, даже если ничего такого не было, она все равно скажет, что видела, когда очнется. – Это прозвучало резковато, но она не смогла сдержаться.

Ее чувства к Наташе были мотком колючей проволоки, который она не могла распутать. Она скучала по своей подруге детства, но не знала новую Наташу-*Барби*. Ее Наташа носила брекеты и любила ходить в шахматный клуб. Ее Наташа была лучшей подругой навечно. Бекка тогда не понимала, что это *навечно* продлится только до того момента, когда у Наташи вырастет грудь и ей снимут брекеты, и она вдруг станет горячей штучкой, а Бекка останется невзрачной чудачкой, которую вскоре отвергнут.

– *Если* она очнется, – добавил Эйден, выдохнув длинное облако дыма. – В новостях сказали, что она была без сознания. У нее может быть поврежден мозг или что-то в этом роде.

Бекка попыталась это представить. Она видела по телевизору снимки людей с нарушением работы мозга, и они никогда не выглядели так же, как до этого. Наташина смерть была бы, по крайней мере, трагично красивой. А образ Наташи с нарушением работы

мозга, подключенной к приборам, которые всю оставшуюся жизнь помогали бы ей справлять нужду, пока она пускает слюни в суп, был ужасающим.

– В любом случае, что она там делала? – спросил Эйден. – Ночью в лесу? Думаешь, кто-то затащил ее туда?

– Черт бы меня побрал, если б я знала! – Бекка пожала плечами. – И никто, похоже, этого не знает. Все слишком заняты закатыванием истерик, чтобы сказать что-то полезное.

Улей, как она иногда думала об их школе, гудел с тех пор, как появилась эта новость. Сообщения, «WhatsApp», фотографии красивого улыбающегося лица Наташи в «Instagram», твиты о том, как все шокированы и расстроены, вся школа, возвещающая о безмерной любви к ней, будто каким-то образом то, что с ней случилось, относилось и к ним тоже. Хэштег #TashaForeva, вероятно, сейчас был в трендовых. Жужжание всего этого было электризирующим. Это жужжание выводило ее из себя.

Бекка не загружала старые фотографии ни в «Instagram», ни на свои страницы в «Facebook» и «Twitter» отчасти из-за того, что не было времени. Ну а если честно, потому что у нее было не так много подписчиков и, наконец, из-за цепочки сообщений «Вы видели, что запостила Бекка Крисп? Примазывается к чужой славе!» у нее за спиной, которые бы, несомненно, последовали.

Да, в течение некоторого времени она ненавидела Ташу, когда та столь бесцеремонно бросила ее, заменив на Дженни, и создала новое трио идеальных кукол Барби, но это было очень давно. Таша терпеть не могла, когда ей напоминали о том, какими плохими были у нее зубы и волосы в детстве, но даже сейчас Бекка не стала бы этого делать.

– Пропала же еще девушка из Мэйпула несколько месяцев назад, – сказал Эйден. – Может, это сделал тот же тип.

– Она, вероятно, просто сбежала из дому. – Бекка бросила окурок в кружку на столе, и он присоединился к остальным, гниющим в дюйме загустевшей коричневой воды на дне. У нее пересохло во рту и замерзли ноги. Она фыркнула.

– Может, зайдём внутрь? Посмотрим фильм?

Эйден задумчиво смотрел на нее, и волоски у нее на затылке слегка зашевелились от его испытующего взгляда.

– Ты разве не хочешь пойти в больницу? – спросил он.

– Зачем? – Этот вопрос заставил ее ощутить жгучую боль. – А ты? Испытываешь потребность поведать девицу, попавшую в беду?

Он рассмеялся и притянул ее к себе.

– Господи, ну ты и заноза! Я только *один* раз пригласил ее погулять. Почти два года назад. До того как у меня появился вкус.

Она вдыхала запах его кожаной куртки. Он принадлежал ей. Она это знала. Не было ничего хуже, чем выглядеть излишне нуждающейся во внимании; не было ничего хуже, чем *на самом деле* нуждаться во внимании. Почему она не держала рот на замке?

– Я знаю. – Она выдохнула теплый воздух, прижимаясь лицом к его груди.

Он отступил на шаг.

– И она повела себя как стерва. Мне плевать на Наташу Хоуленд. Но ты много лет была ее лучшей подругой. Тебе стоит сходить. Хотя бы ради ее родителей.

Именно это сказала ее мать перед тем, как Бекка схватила пальто и на ходу сообщила, что идет на улицу. Почему-то, прозвучав из уст Эйдена, это показалось ей более разумным.

– Ладно, – наконец отозвалась она. Нехотя. – Ладно, может, нам и стоит сходить. – Она

подняла на него глаза и поцеловала его пахнущие сигаретами губы. – Но давай только заедем в «Макдоналдс» по дороге? Я умираю от голода.

Он усмехнулся:

– Вот почему ты моя девушка. Первоклассная. – Его телефон зажужжал, и он поморщился, читая сообщение. – Слушай, это странно.

– Что?

– Мне нужно идти в больницу по другому поводу. Но сначала мы заедем в одно место и заберем кое-какие вещи. Это Джейми. Он тоже там.

Было странно видеть мать Наташи, Элисон Хоулэнд, настолько уязвимой и сентиментальной, и вдруг Бекка осознала, что тоже плачет. Надрывные всхлипы возникли из ниоткуда и отзывались болью в груди. Гэри Хоулэнд стоял между ними, неловко положив руки им на спины, не зная своей роли в этом море женских эмоций. Его челюсти были крепко сжаты, а глаза широко раскрыты, но кроме этого да еще скованности ничто не выдавало его чувств. С другой стороны, Бекка его практически не знала. Он приходил и уходил в свой офис или в теннисный клуб, улыбался им, когда они играли, в то время как его мысли явно были где-то далеко. Бекка предполагала, что так ты начинаешь выглядеть, когда становишься богатым и успешным. Он не относился к тому типу отцов, которые вмешивались во что-либо. Наташа, без сомнений, была этому только рада.

– Я так благодарна тебе, Ребекка, за то, что ты пришла! – сказала Элисон, вытирая слезы. Миссис Хоулэнд всегда называла ее Ребеккой, никогда Беккой или Бекс, так же как и Таша для нее всегда была Наташей. – Ты хорошая девочка. Ты была Наташе хорошей подругой.

Была. Бекка ничего на это не сказала, просто как-то неопределенно кивнула. Элисон, как и все остальные, была в курсе, что Бекка уже не входила в ближайший круг друзей. «Ближайший круг» стоял по другую сторону, их аккуратно подведенные глаза были слегка затуманенными, обе проверяли свои телефоны. Хейли и Дженни. Почти одинаковые и все же такие разные.

Дженни была мягкой и чувственной, очень эффектной девушкой, тогда как Хейли была спортсменкой с привлекательной фигурой, из среднего класса. Она больше не лазила по деревьям, но, перестав быть сорванцом, не забросила спорт. Самая быстрая бегунья в школе. Ее никто не мог застать без блеска на губах. И всегда она была в самых коротких шортах, хотя ей много раз говорили, что их надо сменить. Обе девочки не обращали внимания на Бекку, и она снова сосредоточила свой взгляд на Элисон Хоулэнд.

– Я просто... Я просто хотела выразить вам свое сочувствие, – наконец сказала Бекка. – Моя мама тоже сочувствует вам и желает всего наилучшего. – Это было вполне нейтрально. – Я уверена, что с Ташей все будет в порядке. Я в этом не сомневаюсь.

– Не понимаю, что она там делала. – Взгляд Элисон скользнул куда-то мимо Бекки, в ее собственный кошмар, но она обеими руками вцепилась в девушку, словно та была якорем, единственным, что удерживал Элисон от того, чтобы ее не унесло куда-нибудь. Ее ладони были сухими и жесткими, будто она выплакала всю влагу из своего тела. – Я имею в виду почему она вообще была там в такое время? В такую погоду? – Что-то в ее голосе, как и молчание Хейли, Дженни и Гэри, заставило Бекку думать, что эти вопросы мать Наташи задавала снова и снова в течение последних нескольких часов.

У Бекки в тесном пространстве маленькой больничной комнаты для ожидающих родственников начался приступ клаустрофобии. Свет вдруг стал слишком ярким, а воздух слишком горячим и разреженным. Кожу защипало от пота – ну как ей было не вспотеть под толстым стеганым пальто? Она была здесь лишней.

Как только она подумала о том, что, возможно, придется высвободиться из захвата Элисон Хоулэнд и ненадолго присесть, открылась дверь. Элисон быстро повернула голову, а затем ее плечи поникли. Это был не врач.

– Инспектор Беннет, что-то?... – начал Гэри, но инспектор отрицательно покачала

головой.

– Нет, – сказала она. – Я просто хотела поговорить с девочками. – Инспектор Беннет была не покрашена, а ее волосы были зачесаны назад и собраны в строгий хвост. Она выглядела уставшей, мягко улыбаясь Элисон. – Посмотрим, удастся ли нам воссоздать картину передвижений Наташи. Врачи говорят, что вы можете зайти и посидеть с ней какое-то время, если хотите.

– Спасибо, – сказал Гэри, взяв жену под локоть.

Инспектор придержала дверь, и родители Наташи быстро вышли. Элисон снова плакала. Все это было ужасно, заключила Бекка. Ярко и четко, реально и в то же время нереально. Где-то здесь Наташа боролась за жизнь. Наташа. Несломленная, идеальная Наташа.

– Я могу подождать снаружи? – спросила Бекка.

– Ты подруга Наташи?

Бекка не знала, как честно ответить на этот вопрос.

– Что-то в этом роде. Во всяком случае была. Мы ходим в одну школу, но вот уже несколько лет не общаемся близко. – Она взглянула на двух блондинок. – Хейли и Дженни – ее лучшие подруги.

Хейли опустила глаза. Хейли, которая прыгала с ветки на ветку, пока Таша и Бекка то хихикали, то вопили, опасаясь, что она может упасть. Хейли, которая колебалась, когда Наташа ополчилась против Бекки. Украдкой приходила на чай раз или два, но затем приняла сторону победителей. Сторону крутых. Сторону *Наташи*. Да уж, Хейли может идти на хрен.

Инспектор перевела взгляд с двух Барби на Бекку и обратно, составляя в уме историю. В этом не было ничего странного. Скучную подругу бросали ради более популярных, красивых подруг. Учитывая неряшливый внешний вид инспектора Беннет – *сколько ей лет? Третий десяток? Меньше? В любом случае, она была старой*, – возможно, к ней относились так же, когда она училась в школе.

– Лучше бы ты осталась, – сказала женщина. – Это не формальный допрос. А у тебя может быть другой взгляд.

«Ох, конечно, – подумала Бекка. – Могу поспорить, что другой».

– Как вы думаете, что произошло? – спросила Дженни.

– Мы пока ни в чем не уверены. Это мог быть несчастный случай. Шутка, в результате которой что-то пошло не так.

– Кто-то причинил ей вред? – Глаза Хейли были широко раскрыты. – Гэри говорил, что вы ему сказали, что ее не... никто не...

– Ее не изнасиловали, нет.

Прямой ответ инспектора Беннет поразил Бекку, и она даже не ухмыльнулась внутренне из-за того, как Хейли произнесла *Гэри*. Этакая лжевзрослая. До сих пор она даже не думала об изнасиловании. Что было очень странно, потому что *именно об этом* чаще всего и говорили, даже если и не прямо. Не напивайся, потому что может что-то случиться. Не надевай это, ты подашь неправильные сигналы. Всегда возвращайся домой с другом или вызови такси. Не показывай никому дорогу. Бла-бла-бла. По крайней мере, когда она начала встречаться с Эйденом, ее мать перестала отпускать подобные комментарии. Будто теперь, когда у Бекки есть парень, он ее защитит. Она задавалась вопросом, понимает ли ее мать, насколько это глупо.

– Нам нужно выяснить, что Наташа делала прошлой ночью и сегодня ранним утром. – Инспектор присела, и три девочки, как бараны, последовали ее примеру. – Тут никого ни в

чем не обвиняют, ни у кого не возникнет никаких проблем, но если на нее напали, то очень важно, чтобы у нас было как можно больше информации.

– Значит, ей причинили вред? – спросила Бекка. – Я имею в виду, кроме... – Она замолчала. *Кроме того, что она была мертва тринадцать минут.*

– Пару порезов и синяков, но они могли появиться и в реке. Как я уже сказала, мы действительно не знаем, был это несчастный случай, или она сама сделала это преднамеренно, или в этом инциденте участвовал кто-то еще.

Преднамеренно. Это слово, которое не совсем подходило к данной ситуации, лязгало у Бекки в мозгу, пытавшемся его осмыслить. Дженни, на удивление, первая справилась с замешательством и издала лающий смешок, который противоречил серьезной атмосфере, царящей в комнате.

– Вы думаете, Таша пыталась покончить с собой? – спросила она.

– Мы рассматриваем все возможные версии.

– Нет, – сказала Дженни, мотая головой.

Ее волосы были не такими длинными и идеально прямыми, как у Хейли, и она заправила выбившуюся прядь за аккуратно проколотое ухо. Гвоздик был с дешевым стеклом, не бриллиантом. Барби-Золушка с изнаночной стороны города.

– Нет, Наташа бы этого не сделала. И *нетаким* образом. Ни за что не бросилась бы в ледяную реку.

– Нет, – подхватила Хейли, будто двух «нет» было недостаточно.

Инспектор Беннет повернулась к Бекке. Та неуверенно пожала плечами. Для нее то, что здесь происходило, было чем-то бо́льшим, нежели просто полицейское расследование. Бекке нужно было осторожно подбирать слова. Она не хотела взбесить Барби или заставить их думать, что она к ним подлизывается. Особенно Хейли. Хейли была ее подругой и знала, как действовать Бекке на нервы так, как не смогла бы этого сделать Дженни. Дженни была никем. Но, что бы Бекка сейчас ни сказала, это могло вернуться к ней стервозными твитами, статусами и косыми взглядами. Слова разносились по подростковому сообществу этого маленького городка, как ток по колючей проволоке, готовой царапать, рвать и впиваться в тебя.

– Я так не думаю. – Это было правдой. Если бы Таша собиралась покончить с собой, она бы выбрала что-нибудь намного более романтическое. Впрочем, Наташа была не из тех, кто мог бы убить себя. – Люди вздуваются, когда тонут, так ведь? – сказала она. – Если бы ее не нашли быстро, она бы выглядела ужасно. Ей бы такое не понравилось.

Лицо Хейли окаменело. *Сука. Чертова сука.* Бекка читала мысли Хейли в жестком взгляде ее зеленых глаз, пристально глядя на нее. И что? Это ведь было именно тем, что Дженни имела в виду. Тем, о чем думала Хейли. Бекке хотелось рассмеяться им в лицо. Даже когда их лидер без сознания, они не могут снести и слова, сказанного против нее. Они были жалкими.

– Так когда вы в последний раз видели Наташу? – Задав вопрос, инспектор Беннет не посмотрела на Бекку.

– В школе, – ответила Хейли, и Дженни кивнула. – Мы говорили о том, что хорошо бы встретиться вечером, но у нее было какое-то событие в семье – день рождения бабушки или еще что-то, поэтому все зависело от того, когда празднование закончится.

– И вы не переписывались и не разговаривали после этого? – спросила инспектор с полуулыбкой. – Я думала, в наши дни вы все приклеены к своим телефонам.

Это было обезоруживающе, но испытующе.

Дженни покачала головой:

– Нет.

– Вы обе гуляли вчера вечером?

Опять отрицательное покачивание головой.

– Погода была ужасной. И у нас обеих было домашнее задание. – Хейли взяла на себя ведущую роль: заместитель Наташи оправдывала ожидания. – Иногда нужно радовать родителей. – Она улыбнулась хитро, по-кошачьи. – И нам обеим, и Наташе нужно готовиться к прослушиванию. Мы в школе ставим «Суровое испытание» ^[2]. Это будет потрясающе.

– То есть вы больше ничего не узнали от Наташи?

– Нет.

Бекка, почти забывтая, обратила внимание на то, что вопрос прозвучал повторно.

– У вас разве нет ее телефона? – спросила она. – Вы не можете сказать, с кем она говорила?

Инспектор посмотрела на нее оценивающе.

– Он поврежден, поскольку был в воде – находился у нее в кармане. Нам должны прислать записи ее телефонных разговоров. – Она помедлила. – Я так понимаю, ты вообще ее не видела? Ты тоже вчера осталась дома?

Бекка отрицательно помотала головой. Тон инспектора был непринужденным, но Бекка чувствовала, как покраснела от вопроса, будто была в чем-то виновата, будто это она толкнула Наташу в ледяную воду и оставила там умирать.

– Я была в гостях у парня и домой вернулась около полуночи. Он подбросил меня до дома, и я сразу пошла спать. Спросите у него, если хотите. Он должен быть где-то здесь. Нам нужно было привезти мистеру Мак-Махону какую-то одежду.

Инспектор прищурилась:

– Джейми Мак-Махону?

Бекка кивнула.

– Эйден работает с ним. Играет на гитаре и бас-гитаре, а Джейми пишет звуковые дорожки.

– Кто? – спросила Хейли.

Бекка ощутила дрожь восторга. У нее было что-то, чего не было у Барби. *Причастность* к тому, на что они не могли претендовать.

– Мужчина, вытащивший Наташу из реки, – сказала инспектор Беннет, не поворачиваясь к Хейли. – Откуда мистер Мак-Махон знает школьника?

– Эйден уже закончил школу, – пояснила Бекка. – Ему девятнадцать. В детстве мистер Мак-Махон был его репетитором по музыке.

– Какой все-таки маленький городок... – сказала женщина, и снова полуулыбка тронула ее губы.

– Слишком маленький, – подхватила Бекка, пытаясь улыбнуться ей в ответ. Ей снова стало не по себе, что было просто глупо. Она не сделала ничего плохого.

– Значит, насколько вам известно, у Наташи все было в порядке?

Все они утвердительно кивнули.

– У нее есть парень?

– Ничего серьезного, – ответила Хейли. – Наташа нравится мальчикам, но нет никого, кто бы ее действительно заинтересовал. И вокруг нее никто не ошивался или что-то в этом

роде. Она бы нам рассказала.

– Она часто ускользала из дома? – На этот раз она по очереди посмотрела на всех трех, будто предыдущие вопросы были несущественными, а просто подводными к этому.

Последовала многозначительная пауза, пока Хейли и Дженни решали, насколько честными им быть.

– Иногда. Нечасто, – ответила Хейли. – Ее родители совсем не строгие, если честно. Они в основном позволяют ей делать все, что она хочет, но если бы она захотела сбежать ночью из дома, она бы вылезла из окна своей спальни и спустилась по дереву на заднем дворе. На нем так и осталась веревочная лестница, висит там с детства.

– Родители Наташи, наверное, теперь подумают, не снять ли ее, – сухо сказала Беннет.

Она задала еще несколько вопросов на отвлеченные темы, о школе и о других друзьях, которые могут быть полезны, а затем ушла, по-видимому, удовлетворенная полученной информацией.

Несмотря на то, что в комнате людей убавилось на одного человека, она вдруг показалась Бекке намного меньше. Может, из-за того, что здесь остались только она, Хейли и Дженни, неловко чувствующие себя в обществе друг друга. Впрочем, это *она* чувствовала себя неловко. Вероятно, для этих двух это было не совсем так; они слегка повернулись друг к другу, вытесняя Бекку как постороннюю.

– Может, принесем какие-то ее вещи, – тихо сказала Дженни, глядя на Хейли в ожидании одобрения; ее лицо напряглось, она грызла идеально покрашенный ноготь. – Ну, знаешь, музыку и подобную хрень из ее спальни. Это может помочь ей очнуться.

Хейли кивнула:

– Я попрошу у Гэри ключи от дома. Будет здорово выйти отсюда на часок – от нас уже, наверное, воняет дезинфицирующим средством.

– Вам, вероятно, стоит сначала спросить об этом у детектива, – вставила Бекка. – Может, она не хочет, чтобы кто-то трогал вещи Таши.

Хейли взглянула на Бекку, раздраженная тем, что та все еще здесь.

– Твои волосы выглядят так, что им не помешал бы лечебный шампунь, Бекс. Может, попросишь бутылочку у медсестер?

– Может, лучше тебе попросить что-нибудь от ехидства? – огрызнулась Бекка.

Девочки смотрели друг на друга – презрение и тысяча социальных различий висели в воздухе, и теперь, когда женщина-полицейский ушла, не было нужды в притворной вежливости.

– Боже, ты отвратительная! – сказала Дженни.

– Как и ее парень. – Хейли даже не посмотрела на Бекку, направляясь к двери. – Довольствуется тем, что есть.

– Но только таким нельзя размножаться.

Бекка смотрела на экран телефона и делала вид, что листает что-то, пока они не ушли. У нее слегка скрутило живот. Ее уже давно не интересовало их мнение, так почему это должно измениться сейчас? Претенциозные, стервозные сучки, только и всего. Такой была и Наташа. Зачем она вообще сюда пришла? И куда запропастился Эйден? Будто прочитав ее мысли, на телефон пришло сообщение. «Везу Джейми домой. Вернусь за тобой. Может, через час? Извини».

Отлично, блин. Ну, по крайней мере, Барби ушли.

Она быстро написала Эйдену о'кей, сдержав свое раздражение, а затем отправилась на

поиски автомата с напитками. Она по-прежнему ощущала сухость во рту после вчерашнего, к тому же в комнате ожидания было слишком жарко.

* * *

Она рылась в карманах пальто в поисках мелочи, когда к ней подошел Гэри Хоуленд.

– Ребекка, позволь мне. Я все равно собирался выпить кофе.

– Спасибо.

Он выглядел уставшим, в помятом свитере, который он, несомненно, натянул в спешке, когда этим утром его мир рухнул. Хоуленды, и прежде всего Наташа, были неуязвимы, насколько Бекка могла судить. По крайней мере до этого момента. Это не могло их не шокировать.

– Что тебе взять? – спросил он.

– Диетическую колу, пожалуйста.

Он нажал на кнопку, и бутылка с грохотом упала в лоток.

– Миссис Хоуленд в порядке? – спросила она.

Вопрос был глупым, но она не знала, что еще сказать. За все те годы, что она была лучшей подругой Наташи, пожалуй, в первый раз она оказалась наедине с Гэри Хоулендом. Элисон кормила их, забирала из школы и приносила им сок с бисквитами. Гэри был просто *папой*.

– С ней все будет хорошо, когда Наташа очнется, – сказал он. Автомат жужжал, наполняя чашку жидким кофе и сухим молоком. Гэри явно не рассматривал вероятность того, что Наташа может не очнуться. – Но я не думаю, что пролитые у кровати слезы помогают Наташе. – Он взглянул на Бекку, и она впервые осознала, что он на самом деле довольно привлекательный мужчина. Слишком старый для нее, но все равно красивый. Без своего форменного костюма и галстука он выглядел моложе.

– Хотите, чтобы я немного поговорила с ней? – Слова, выданные ее мозгом в ответ на внезапную волну жалости к отцу ее бывшей лучшей подруги, вырвались наружу, она не успела их удержать. – У меня есть немного времени.

– Ты могла бы?

Благодарность, которую он излучал, тяжело опустилась ей на плечи, и она проклинала себя за это. Ей нужно было просто послать маме эсэмэску, попросить, чтобы она ее забрала. Ей нужно было спуститься вниз и ждать Эйдена на морозе. *О чем, черт возьми, она собиралась поговорить с Наташей?*

– Конечно, – ответила она. – Я тоже люблю Ташу. – У нее даже лицо стало покалывать от лжи.

Холодно, так холодно, что не могу дышать и паникую в воде, похожей на осколки стекла, и впервые думаю, что у меня действительно серьезные неприятности. Что я могу здесь и остаться. Мои белые спортивные штаны и толстовка такие тяжелые в ледяной воде. Легкие болят, их обжигает от холода, когда я пытаюсь вдохнуть, отчаянно стараясь держать подбородок над водой, но все тело отказывается работать – легкие, конечности, мозг. Холодная река побеждает. Она обжигает мои вены, будто огнем. Если мне удастся дотянуться до веток, я смогу выбраться на берег, если только я не погрузусь, – и который час, который час? – и, ох, черт, я не чувствую рук. Тонкие ветки, словно скальпели для моей мертвенно-синей кожи, это ужасная ошибка, и который сейчас к черту час, и...

...Я делаю глубокий вдох, легкие снова разрываются от боли, но воздух теплый и сладкий, и нет душащей меня ледяной воды.

– Наташа?

– О господи, Наташа!

– Таша!

– Позовите врача!

Мамино лицо нависает надо мной, и мне инстинктивно хочется отмахнуться от нее. Она слишком близко. Я в замешательстве. Все еще пытаюсь дышать. Сердце колотится. Я не понимаю, где нахожусь. Моргаю, моргаю и снова моргаю. Тут жарко, ярко и сухо. Хейли и Дженни в комнате. Я слышу их вопли, когда медсестра оттаскивает их, чтобы подойти ко мне.

Думаю, я жива. И я испытываю такое облегчение! Я жива. Это больница.

Я двигаю губами, но слов не слышно. Горло пересохло и охрипло. У меня в руке игла от капельницы. Сколько я здесь нахожусь? Какой сегодня день? Голова пульсирует.

Вокруг меня слишком много суеты. Я пытаюсь повернуть голову набок, чтобы посмотреть на дверь, к которой спешат еще какие-то люди. Суставы и мышцы шеи вопят от боли. Я вижу разметавшиеся по подушке светлые волосы, что удивляет мой растерянный разум. У меня темные волосы. Это не мои. Нет, у меня *были* темные волосы. Я перекрасилась, чтобы быть, как подружки. Все блондинки. Взаимозаменяемые.

Все что-то говорят, или мне это кажется. Поток шума. Я осознаю, что, помимо всего прочего, звучит знакомая музыка – где-то лежит «iPod», подключенный к колонке. Это мой? Кто его сюда принес? Сколько я здесь нахожусь? Разговоры и шум. Разговоры и шум. Всего этого слишком много. Трудно сосредоточиться. Внезапно я вспоминаю о Бекке.

– Бекка была здесь? – спрашиваю я.

Голос грубый, как наждачная бумага, он не похож на мой. Так может говорить одержимая девочка из ужастика. Думаю, это также шокировало и всех остальных, ведь на мой вопрос отвечают молчанием. В комнате ощущается какое-то странное спокойствие, блаженная тишина, пока они все смотрят на меня.

– Бекка была здесь? – снова спрашиваю я.

– Да, – отвечает мама. Ее сухая, как бумага, дрожащая рука крепко сжимает мою. – Да, она приходила вчера и говорила с тобой.

– Я так и думала. – Я улыбаюсь и закрываю глаза.

*Выдержка из***КОНСУЛЬТАЦИИ ДОКТОРА АННАБЕЛЬ ХАРВИ ПАЦИЕНТКИ НАТАШИ ХОУЛЕНД,
ПОНЕДЕЛЬНИК, 11/01, 09.00**

НАТАША: Это странное ощущение. Вы бы тоже странно себя чувствовали, не так ли? Я имею в виду, если бы умерли таким образом. В смысле, я думаю, что не была полностью мертвой, иначе меня бы сейчас здесь не было. (*Смешок.*) Но, вспоминая, что мое сердце не билось почти четверть школьного урока, когда я думаю об этом... Да уж, это приводит в ужас. Знаете, если бы тот парень, гуляющий с собакой, появился на две или три минуты позже или вообще его не оказалось бы там, что бы тогда произошло? Нехорошо, когда такие мысли в голове. Но сейчас я чувствую себя нормально. В смысле, ничего такого не было, я не видела туннель или яркие огни, или что-то в этом роде. Я ничего не помню. (*Смешок.*) Но тогда у меня проблемы с памятью, правильно?

ДОКТОР ХАРВИ: Это сильно тебя беспокоит? Потеря памяти?

НАТАША: Я думаю, что из-за этого чувствую себя более странно, чем если бы просто почти умерла. Я помню, как в четверг шла на обед во время перерыва. Это все. Я не помню, что я делала в тот вечер. Я ничего не могу вспомнить о пятнице или пятничном вечере. Такое чувство, что всего этого времени просто не было. Когда я очнулась прошлой ночью, я смутно помнила, что находилась в ледяной воде и паниковала, так как думала, что умираю. Кроме этого – ничего.

ДОКТОР ХАРВИ: Та вспышка воспоминаний, которая у тебя была, о пребывании в воде – что ты в это время чувствовала? Не считая страха воды. Ты знала, что есть кто-то поблизости?

НАТАША: Типа нападающего, кто-то в этом роде?

ДОКТОР ХАРВИ: Попробуй не вешать мысленные ярлыки. Просто подумай о том, что ты помнишь.

НАТАША: Я помню, как была в воде и пыталась добраться до берега. Я не знаю, был ли кто-либо еще неподалеку. Это просто мимолетное воспоминание... вроде как конец сна, который ты еще помнишь, проснувшись. Понимаете? Вы вроде бы помните его, но это просто обрывки чего-то. Я не знаю, вспоминаю ли я что-то или просто помню об этом воспоминании. (*Смешок.*) Это звучит дико, но вы понимаете, что я имею в виду?

ДОКТОР ХАРВИ: Как думаешь, почему это время выпало из твоей памяти?

НАТАША: Я не знаю. Мы ведь просто машины, не так ли? Я была мертва тринадцать минут. Это, наверное, повредило какие-то провода.

ДОКТОР ХАРВИ: Значит, тебя ничто не насторожило? Из того, что ты помнишь.

НАТАША: Вы говорите, как инспектор Беннет. Те же вопросы. Она разве не показывала вам свой отчет?

ДОКТОР ХАРВИ: Да, показывала, но я бы хотела услышать это от тебя, чтобы лучше понять, как тебе помочь. Извини, если заставляю тебя повторяться.

(Пауза.)

НАТАША: И вы меня извините. Я знаю, вы просто пытаетесь помочь. Я просто... В любом случае, со мной все было в порядке. Я была не в духе из-за того, что пришлось вернуться в школу после каникул, но на самом деле даже это было не настолько плохо. Когда слишком долго общаешься с моей мамой, это становится в тягость. Она все время хочет делать что-то вместе, это, конечно, мило, но ее бывает слишком много. Я уже не ребенок.

ДОКТОР ХАРВИ: Поэтому ты ускользнула из дома через окно?

НАТАША: Я не знаю, сбегала ли я. Полагаю, раз родители говорят, что я сказала им, что ложусь спать, тогда, наверное, сбегала.

ДОКТОР ХАРВИ: Входная дверь была заперта изнутри.

НАТАША: Тогда я, должно быть, вылезла через окно. (*Нервный смешок.*) Вы больше меня знаете о том, что я делала. Я не знаю, почему пошла на улицу. Я бы хотела знать, но нет.

ДОКТОР ХАРВИ: Что ты можешь сказать о сообщении, которое ты получила в ту ночь?

НАТАША: Ничего. Номер мне незнаком. Он, по-видимому, не отвечает, когда полицейские звонят на него или пишут. Все сразу переадресовывается на голосовую почту, как будто он выключен. Кажется, инспектор сказала, что это был предоплаченный телефон. Большинство моих друзей подключены по контракту. Никто уже давно не пользуется предоплаченными телефонами.

ДОКТОР ХАРВИ: Это тебя беспокоит?

НАТАША: Что меня беспокоит?

ДОКТОР ХАРВИ: То, что ты не знаешь, кто отправил сообщение. Что полиция не знает, кто его отправил.

НАТАША: Это должно меня волновать? Не знаю. Наверное, это просто какой-то случайный парень, которому я спяну дала свой номер.

ДОКТОР ХАРВИ: Такое часто бывало?

НАТАША: То, что я была пьяна или что дала свой номер? (*Пауза.*) Ну, а вообще, что значит часто? Иногда я даю свой номер. Иногда мои друзья так шутят.

ДОКТОР ХАРВИ: В сообщении говорилось о встрече в 3 часа ночи в обычном месте. А ты посреди ночи ушла.

НАТАША: Я знаю, но эти два события могут быть не связаны между собой. Я не ответила на сообщение, правильно? Нет, судя по тому, что сказала инспектор Беннет. Готова поспорить, что это сообщение не было предназначено мне. Кто-то мог ошибиться номером. Какое может быть обычное место с кем-то, кого я не знаю? У меня нет «обычных мест» со знакомыми. Даже с... (*Пауза. Незначительная заминка и колебание.*) Даже с самыми близкими друзьями.

ДОКТОР ХАРВИ: Ты в порядке? Ты что-то вспомнила?

НАТАША: Да. В смысле да, я в порядке. Нет, я ничего не вспомнила. Извините. Просто устала. (*Ерзает на стуле.*) Слушайте, я уверена, что ко мне вернуться все воспоминания и в них не будет ничего особенного. Наверное, я просто глупая и вышла на улицу потому, что мне стало скучно, а потом упала в реку в

темноте. Возможно, это случайно попавшее ко мне сообщение застряло в моем подсознании, и из-за этого я решила выйти на улицу. Мы даже не знаем, во сколько я покинула дом. Возможно, позднее времени, указанного в сообщении. Не знаю. Может, я вспомню, но сейчас я не знаю.

ДОКТОР ХАРВИ: У меня есть кое-что для тебя.

(Пауза.)

НАТАША: Для чего это?

ДОКТОР ХАРВИ: Я хочу, чтобы ты вела дневник. Записывай туда свои мысли, чувства. События. Это часто помогает пациентам с провалами памяти. Ты не обязана показывать его мне.

НАТАША: А это означает, что я не обязана его вести. Я просто хочу домой. Я хорошо себя чувствую, честно. Тут воняет дезинфицирующими средствами. Мне придется три раза помыться, чтобы смыть этот запах. (Смешок.) Тем не менее, думаю, это лучше, чем ледяная речная вода. Я могу идти?

ДОКТОР ХАРВИ: Боюсь, от меня не зависит, когда тебя отпустят, но уверена, что врачи не будут держать тебя здесь дольше, чем это необходимо.

НАТАША: Я пообещаю им, что теперь не буду выходить ночью из дома без надувных нарукавников. На всякий случай. (Смешок.)

Выдержка из

ОТЧЕТА ИНСПЕКТОРА КЕЙТЛИН БЕННЕТ, ПОНЕДЕЛЬНИК, 11 ЯНВАРЯ

На теле Наташи Хоулэнд обнаружены следы ушибов и порезы, но отсутствуют явные признаки физического насилия. Штатный психолог больницы Аннабель Харви считает, что, несмотря на частичную потерю памяти, если бы Хоулэнд получила психическую травму, такую, как припадении, перед тем как упала или ее сбросили в реку, то в ее реакциях и поведении четко прослеживался бы посттравматический синдром. Сейчас она спокойна и хорошо себя чувствует.

В записях телефонных разговоров Хоулэнд не обнаружено необычной активности, кроме сообщения с незнакомого номера, полученного в 00.33: Встречаемся сегодня в три часа ночи. В обычном месте. Хоулэнд утверждает, что номер ей незнаком, и он отсутствует в ее списке контактов.

Сообщение было отправлено с предоплаченного телефона, купленного в магазине «Ван Селл Стоп» в торговом центре «Брекстон». Этот и еще один такой же телефон были приобретены за наличные 14 октября. Были запрошены записи с камер видеонаблюдения, установленные в торговом центре и магазине.

Хоулэнд полагает, что сообщение на ее номер отправлено ошибочно. Меня беспокоит отсутствие какой-либо ее реакции на это. После опроса более двадцати подростков из ее школы заявили, что в такой ситуации ответили бы на сообщение: «Кто это?», Хоулэнд же не ответила. Хотя меня и беспокоит отсутствие ответа, это ничего не доказывает; она могла решить не отвечать на сообщение с неизвестного номера.

Ни на берегу реки, ни в лесу неподалеку не было выявлено следов борьбы, хотя сильный снегопад в ту ночь и последующее утро сильно затруднял поиски. До того как к Наташе Хоулэнд вернется память, полиция может лишь попытаться установить отправителя, опрашивая ее друзей и анализируя записи с камер наблюдения торгового центра.

На данный момент нет оснований считать это уголовным расследованием.

В понедельник улей, как и ожидалось, гудел, и Бекка чувствовала, что ей вслед поворачивались головы, когда она шла по коридору. Все знали, что она была в больнице. Благодаря фотографу из местной газеты, который слонялся у входа, они пронюхали, что Эйден сотрудничает с мужчиной, который вытащил Наташу из реки. Они также были в курсе, что давным-давно Бекка и Наташа дружили и что Бекка была первой, кого Наташа упомянула, когда очнулась. Все это сегодня жужжало в телефонах.

Ах да, я, пожалуй, это помню. Черт, Таша тогда носила брекеты, разве нет? Правда, что Бекка Крисп тогда была толстой? Прямо как свинья?

Перешептывания. Бормотания. Взгляды. Она хотела, чтобы все это прекратилось. Ей это нужно было не больше, чем Таше. Изредка кто-то пытался заговорить с ней, но она просто старалась прошмыгнуть мимо. Тот, кто хотел новостей о Таше, мог обратиться к двум Барби. Вот они *жаждали* внимания.

Не считая того, что она видела их в окружении толпы жадных до сплетен подражателей в общем зале на перерыве, Бекке удалось избежать встреч с Хейли и Дженни в первой половине дня, и она надеялась, что так и будет, пока не прозвенит последний звонок и она сможет сбежать. Это должно было у нее получиться. У Бекки последней парой было рисование, на которое не ходила ни одна из этих девочек.

– Ты в порядке? – спросила Ханна.

Она теперь была, можно сказать, лучшим другом Бекки, насколько таковым мог быть кто-то кроме Эйдена, и они, как это обычно бывало в обед в холодные дни, сидели на батарее в коридоре, куда выходили двери кабинетов естественных наук, и делились остатками чипсов. Ханна целый день не упоминала о произошедшем с Ташей – после того как Бекка вчера огрызнулась на ее сообщение, заявив, что не хочет говорить об этом, – но это все еще было между ними, темная точка на сером облаке, нависшем над всей школой. В глубине души Бекка хотела, чтобы Ханна все-таки спросила ее. Тем самым она показала бы, что в ней есть хоть какой-то чертов стержень. Ханна была милой и могла быть забавной, когда расслаблялась, и она была отличной слушательницей, когда Бекка либо воспевала Эйдена, либо злилась на него, но она, без сомнений, была мягкотелой. В их дружбе Бекка была главной. У нее были и другие друзья: Кейси из клуба театральных технологий, Эмили, с которой она сидела на английском, и, конечно, Эйден. Иногда возникало ощущение, что у Ханны была только Бекка. У нее никогда не было каких-то своих планов. И она всегда была рада видеть Бекку.

Бекка осознавала, что, как ни крути, теперь ее лучшей подругой была серая мышка, чье имя лет через пять никто из соучеников и не вспомнит. Это было серьезным падением по сравнению с тем, что она была лучшей подругой Наташи Хоулэнд. Сегодня это беспокоило ее больше, чем обычно. Но Ханна, похоже, не замечала этого.

– Да, в порядке. Я бы покурила перед рисованием. Ты пойдешь?

– Нет, я побуду в тепле.

Ханна не раз говорила, что ее мать сойдет с ума, если от нее будет вонять сигаретами, но Бекка знала, что на самом деле именно Ханне был ненавистен этот запах. Если они где-то гуляли, она всегда стояла немного в стороне, когда Бекка курила, и она не умела настолько хорошо скрывать свои чувства, чтобы Бекка не заметила, что ей это неприятно. И она была

права, это не просто неприятно, но даже противно. Но это также было проявлением бунтарского духа и беззаботности, да она уже и привыкла к сигаретам. Ей нравилось ощущать теплый дым глубоко в легких. Вкус, в котором содержалась тысяча «пошли на хрен», адресованных ее матери и улью.

– Ладно, – сказала она, поднимаясь. – Позже спишемся. Удачи на географии.

– Ох, спасибо. – Ханна улыбнулась и закатила глаза. – Ну, насмешила!

* * *

После посиделок на горячей батарее лютый мороз на улице кусал, и Бекка, спрятав лицо в воротник толстого пальто, шмыгала носом, пока обходила здание спортзала. К тому времени, как она пролезла через щель в заснеженной изгороди и оказалась на небольшом пятачке перед игровыми полями, сигарета уже была у нее во рту, а рукой она пыталась нащупать в забитом всякой всячиной кармане зажигалку. Хоть бы снегопад прекратился! Ноги в мокрых кедах немели и покалывали, гладкие подошвы скользили по раскисшей земле, когда она пробиралась к углу стены. Ее мама, как ни больно это признавать, была права. Кеды действительно были не лучшей обувью для такой погоды.

– Значит, я даже покурить спокойно не могу.

Бекка подняла голову, и ее сердце сжалось. А ведь она так надеялась, что избежит встречи с Барби до конца дня! Хейли, держа тонкую сигарету «Vogue», тоже не обрадовалась, увидев ее. Она слегка запрокинула голову и выпустила струю дыма, будто могла сдуть Бекку.

– Не думаю, что бег и курение хорошо сочетаются.

– Только если ты не бегаешь так же хорошо, как я.

Бекка прикурила сигарету. Ее сердце нервно колотилось, и она не совсем понимала, почему. Это ведь просто Хейли. Плевать на нее.

– Думаю, это помогает от лишнего веса. Я знаю, как для тебя это важно.

Хейли многозначительно посмотрела своими идеально накрашенными глазами на Бекку и сказала:

– Это же не я была толстой.

Она прислонилась спиной к стене, светлые волосы развевались над ее меховым капюшоном, пока она курила, спокойная и непринужденная. Бекка не могла не признать, что Хейли весьма привлекательна. Может, даже красивее Наташи. Ее мама сказала бы, что она потрясающая. Элегантная. Даже в прошлом семестре, когда она упала с лестницы и была вынуждена несколько недель, почти до самого Рождества, ходить с перевязанной рукой, это выглядело стильно. Бекка пыталась представить, как Хейли взбирается на дерево, но вместо этого вспомнила только, как близки они были тогда. Вдруг она почувствовала себя слишком уставшей, чтобы размениваться на злобные насмешки. Какой смысл? Как только Наташе станет лучше и ее выпишут из больницы, о Бекке забудут, и они разойдутся по противоположным сторонам их социального спектра.

– Ты в порядке? – в конце концов спросила она, злясь оттого, что это прозвучало с интонацией Ханны. Покорно. Кротко. Ей не хотелось чувствовать себя тряпкой.

– Будто тебя это волнует! – парировала Хейли.

Бекка на самом деле просто хотела что-то сказать, чтобы нарушить неловкое молчание. Она глубоко затянулась сигаретой, желая побыстрее ее выкурить.

– Я просто спросила. А что, обязательно нужно быть стервой?

Хейли опустила взгляд на свои сапожки. Конечно, на ней были настоящие угги. Бекка видела ярлык на заднике. Образ Дженни может состоять из подделок – у ее мамы-одиночки не было денег, но Хейли наверняка носила фунтов двести только на ногах. Она счистила снег с задника носком второго сапожка, испачкав его, будто показывая средний палец дороговизне обуви. Бекка видела, что угги промокли. Несмотря на их стоимость, у Хейли, наверное, ноги тоже замерзли.

– Что-то узнала от Таши? – спросила Хейли, не поднимая глаз.

Слова были легкими, как снежинки, но Бекка напряглась.

– А должна была?

– Я просто спросила, Бекс. – Хейли сымитировала ответ Бекки, но ее голос был уставшим, и на секунду лоск, который ей придавали курение, макияж и дизайнерская одежда, исчез. – Только и всего.

– Нет, – ответила Бекка. – Ничего. – Она помедлила, держа сигарету возле самых губ, и посмотрела на Хейли, внезапно поняв причину ее вопроса. – А что? Ты тоже ничего не слышала?

Хейли неопределенно пожала плечами, но ответ был понятен. Жирное «нет».

– Знаешь, я просто переживаю за нее.

– Разве ты не можешь ей позвонить?

– Ее телефон сломан. Я пыталась звонить на домашний. Элисон сказала, что дала Таше свой «iPhone», а себе купила дешевый сотовый, с которого можно только звонить и отправлять сообщения. Она сказала, что наконец-то у нее мобильник, которым она умеет пользоваться. – Хейли слегка улыбнулась. – Ты знаешь, как у нее с техникой. – На самом деле Бекка не знала. Когда она в последний раз была в гостях у Хоулентов, телефоны и компьютеры не были для них так важны. Большую часть времени они строили укрытия и играли в пиратов. – Как бы то ни было, я потом звонила и писала сообщения, но она не ответила, – закончила Хейли.

– Может, она плохо себя чувствует. Возможно, ей до сих пор дают успокоительные.

Бекка не понимала, почему пытается успокоить Хейли. В конце концов, это Наташа была в больнице. Что такого, если она день не переписывалась с одной из Барби? Насколько они в ней нуждались? Она сделала медленную затяжку, в то время как Хейли бросила сигарету и затоптала ее в снег. Бекка докурила почти до фильтра, но ей не хотелось чувствовать себя неловко, возвращаясь в школу вместе с Хейли.

– Да, наверное, так и есть. – Хейли оттолкнулась от стены. – А может, ей не очень-то разрешают переписываться. Мы с Дженни хотим проведать ее сегодня.

– Круто. – Бекка не знала, что еще сказать. Жало старого неприятия все еще кололо ее, когда Хейли проскочила мимо и, изящно пригнувшись, прошла сквозь кусты. Она исчезла, даже не оглянувшись.

Сука, подумала Бекка. *Долбаная сука.* Она потушила сигарету с большим усилием, чем требовалось.

* * *

После успокаивающего воздействия пары по рисованию с мисс Бордерс в

расслабленной, словно у хиппи, атмосфере, уроков больше не было, и Бекка стала пробираться к коридору со шкафчиками старшеклассников сквозь толпу визжащих детей, бегущих к автобусам, машинам, в общем – к школьным воротам. Увидев собравшуюся там небольшую толпу, она нахмурилась. Это был редкий случай. В последние два года учебы требование находиться в стенах школы было не таким строгим, и, если не намечалось каких-то сборов или встречи с преподавателем, никого не волновало, что старшеклассники уходят раньше. То же относилось и к опозданиям. Как правило, к концу дня возле шкафчиков оказывалось всего несколько задержавшихся; большинство учащихся оставляли свои сумки в общем зале, если не брали их на уроки.

– Ах, Ребекка! – донесся мужской голос из толпы, которая медленно разделялась на маленькие разрозненные рои общего улья.

Она подняла глаза, пытаясь разглядеть говорившего сквозь просветы в толпе. Светло-каштановые волосы. Дружелюбная улыбка. Намечающиеся морщины на лице, которые постепенно станут глубокими, но сейчас они всего лишь делали его образ интересным. Старше нее. Пылкий.

– Мистер Джонс, – отозвалась она, чуть подняв руку.

Внезапно она поняла причину столпотворения. Мистер Джонс был руководителем драматического кружка, а сегодня должно было состояться прослушивание перед постановкой школьной пьесы.

Он протиснулся к ней через стайку девушек, пытающихся привлечь его внимание.

– Рад, что поймал тебя, – сказал он.

Бекка подумала, что это его поймали здесь, в коридоре, – дельфин, попавший в сеть для тунца. Ей было интересно, чувствовал ли он этот *жар* шестнадцати- и семнадцатилетних девушек, вьющихся вокруг него. То, как они буквально светились в его присутствии.

– Ты в этом году будешь участвовать в постановке? – спросил он. – Было бы здорово, если бы ты смогла. Ты лучшая. А сейчас, когда ты уже в старшей школе, ты могла бы всем этим руководить. Что скажешь?

Позади него Бекка увидела Хейли и Дженни, но проигнорировала их.

– А разве прослушивание не сегодня? – ответила она вопросом на вопрос. – Вы его отменили?

– Нет, – сказал он, держа одну руку в кармане джинсов. – Просто перенес его на пятницу. Дженни попросила, чтобы мы подождали, пока Наташа выйдет из больницы, ведь она очень хотела попасть на прослушивание. Не мог отказать, да и задержка в несколько дней не сыграет особой роли.

– Если она вернется в пятницу. – Взгляд Бекки продолжал порхать над его плечом – она незаметно наблюдала за Хейли и Дженни. Почему они не ушли? Они торчат тут, чтобы пофлиртовать с мистером Джонсом? Возможно. Как печально!

– Да нет, она будет, – сказал он. – Я звонил в больницу, чтобы узнать о ее самочувствии. По-видимому, они собираются выписать ее утром. Ей очень повезло.

– Она была мертва тринадцать минут, – произнесла Бекка. – Какое-то странное везение.

– Не стоит об этом думать. – Его карие глаза излучали доброту. – Поверь, если думать обо всем этом, можно сойти с ума. С ней все будет хорошо, и именно это на самом деле имеет значение.

Бекка не смогла сдержать улыбку. Мистер Джонс не нравился ей в *таком* смысле, как всем остальным девушкам, но все же он был ей симпатичен.

– Ну так как, – сказал он, протягивая ей потрепанный экземпляр сценария, – я могу быть уверен, что ты сделаешь так, чтобы все это выглядело идеально, лейтенант? Тем более сейчас, когда я повышаю тебя до полковника?

Она уставилась на книгу, а затем на исчезающие светлые головы Барби и их приспешниц, которые, без сомнения, решили подождать мистера Джонса возле его кабинета. Бекка, подняв руку, устало отсалютовала.

– Ну что ж, давайте, сэр.

– Отлично! – Он улыбнулся и подмигнул ей. – Я просто воспрянул духом. Прочти и поразмысли. Нарисуй пару эскизов, а потом встретимся и обсудим. Не нужно ничего заумного. Яркого и поразительного будет достаточно.

– Лучше бы так выглядела моя анкета для университета, – сказала она.

– Ты же все именно так и сделаешь. – Мистер Джонс сжал ей руку. – Я тебя знаю.

– Да ладно! – Она закатила глаза, частично чтобы скрыть непонятно почему появившийся румянец, а потом подошла к своему шкафчику.

– Приходи на прослушивание в пятницу, – крикнул он, удаляясь. – Поможешь мне справиться с хрупкими эго!

Она фыркнула – он ее рассмешил. Мистера Джонса Барби тоже не смогли одурачить. Он мог с юмором относиться к их заигрываниям, но не более того. Телефон завибрировал. Ханна.

Ты идешь домой? Или мечтаешь о горячем шоколаде в «Старбаксе»?

Она надеялась, что это Эйден, но он не слал ей сообщения, если ему на самом деле нечего было сказать. Она, скорее всего, поговорит с ним лишь вечером, а увидит его только завтра, да и то всего на пару часов. Это единственная проблема, когда встречаешься с парнем, который уже закончил школу. Вы даже не можете делать вид, что вместе занимаетесь.

Встретимся у ворот в пять.

Горячий шоколад с Ханной мог быть хорошим окончанием дня.

Взято из

МАТЕРИАЛОВ, СОБРАННЫХ ИНСПЕКТОРОМ КЕЙТЛИН БЕННЕТ:

ВЫДЕРЖКА ИЗ ДНЕВНИКА НАТАШИ ХОУЛЕНД

Я просматривала местные газеты, лежащие на кровати, когда появились Хейли и Дженни. Было так странно читать все это, напечатанное черным по белому, подаваемое как сенсация. Видеть свое лицо, смотрящее на меня со страницы. Наверное, мама дала им это фото (я бы точно выбрала другое). Оно было сделано в прошлом году на семейном обеде. Я на нем выгляжу пухленькой. Еще было фото места, где меня вытащили из реки, и странное фото человека, который спас меня, Джейми Мак-Махона, которого камеры явно застигли врасплох, когда он выходил из дома. Он жил в Лондоне, работал в адвокатской конторе, но потом решил сменить род занятий – так было сказано в одной из газет. Почему, черт возьми, ты приехал сюда после жизни в Лондоне? Они прозвали его *«герой-собачник»*. *Музыкант-отшельник спасает «мертвого» подростка*. Часто ли, говоря о смерти, используют кавычки? Он мало рассказывал – стандартное *«любой поступил бы так же»*. Все мы знаем, что большинство так не сделало бы. Он сказал, что в то утро вышел поздно и просто счастлив, что не опоздал.

«Ты счастлив? – размышляла я, глядя на его нечеткое фото. – А как ты думаешь, что я чувствую?» Я отложила газеты. Я просматривала их уже в третий раз и, перечитывая, обращала внимание на детали. Меня удивляло то, что они говорили обо мне. Интересно, что доктор Харви и ее пустые глаза увидят в этом? *Будто я когда-нибудь позволю ей прочитать этот глупый дневник!*

Мне скучно и меня раздражает то, что все время приходится валяться в постели, я хочу на свежий воздух. Болят ушибленные места, и мышцы тянет почти постоянно. Такое ощущение, будто я долго бегала по пересеченной местности или что-то вроде того. В последнее время я много бегала, и это стало чем-то бо́льшим, чем просто пробежки. Чем-то более мощным. Я никогда не буду настолько быстрой, как Хейли, но я стала быстрее и крепче, чем была. Думая об этом, я смотрю сквозь оконное стекло в никуда. Я очень хочу домой.

Сейчас только пять вечера, но на улице уже совсем темно. Пустая, холодная темнота. Обычно никто не закрывает занавески, и я не против. Моя палата находится на самом верхнем этаже. Никто не заглянет в окно. Мне нравится смотреть на темноту за стеклом, даже если она напоминает мне о той, *другой* темноте внутри ледящего холода. Той, которая отняла у меня дыхание и остановила мое сердце. Если я буду достаточно долго смотреть в темноту, я смогу бросить вызов страху. Я его больше в себя не впускаю.

Хейли и Дженни обе улыбались, когда вошли, но от этого сразу же возникла неловкость, будто мы вдруг стали чужими. Может, это больница так на нас действует. Такие места могут так влиять на людей.

Что ни говори, это было странным ощущением, и они в дверях выглядели такими скованными, но я им улыбнулась (потому что, если честно, мне так наскучили визиты родственников, и даже если на первый взгляд это было странно, они все равно в миллион раз веселее моей бабушки) и поправила свои светлые волосы, теперь почти такие же, как у них. Атмосфера разрядилась, когда мы обнялись и они запищали от восторга, радуясь моему спасению, и поняли, что я тоже рада их видеть. Они сняли свои пальто и шарфы, и я даже физически ощутила, как они расслабляются в жарком помещении.

Мама Дженни сохранила все газеты. Дженни сказала мне об этом, закатив свои красивые оленьи глаза, когда увидела их у меня на кровати. Судя по всему, они теперь в альбоме для вырезок, куда попадали и неудачные фотографии Дженни. Это выглядело так, будто всем хотелось взять себе частичку переживаний из-за того, что я чуть не погибла. Хотя это вызвало у меня улыбку. Мама Дженни не от мира сего. Она бедная, по крайней мере, если сравнивать с достатком среднего класса, в том числе и с нашими с Хейли семьями, и слишком часто выпивает. Она беднота, жалкая провинциалка, и Дженни очень сильно старается отмыться от этого – в переносном смысле. Но иногда ты все равно можешь почувствовать этот запах, исходящий от нее. Легкий *аромат отчаяния*. Я знаю, это недостойные мысли, но это правда.

– Я что, через много лет буду смотреть на эти вырезки и думать: «О-о... а ведь Таша однажды чуть не утонула! Как мило!» – покашливая как старушка, сказала Дженни.

Я отметила техническую ошибку в ее заявлении. Я *утонула*. Там не было никакого *чуть не*. Но я промолчала.

Затем настала очередь Хейли. Она не смотрела на меня. Сложив газеты и заправив идеальные волосы за уши, она небрежно сказала:

– Я писала тебе.

Она держалась настолько бесстрастно, что я поняла: ее очень обидело то, что я не ответила на ее сообщение. *Я все еще их лидер*. Даже после всего этого. Может, сейчас даже в большей мере.

– Меня навещала бабушка, и телефон был в беззвучном режиме, – пояснила я, нагло соврав. – Тут не особо приветствуют телефоны в палатах. – Это *было правдой*, но я могла им пользоваться, потому что медсестры меня жалели.

Они сидели близко друг к другу у изножья кровати, две мои лучшие подруги. Наблюдали за мной. Им хотелось расспросить меня о случившемся, но они не знали, с чего начать.

– Итак, – сказала Хейли, когда Дженни достала шоколадку и чипсы из сумки, – ты уже что-нибудь вспомнила?

Я ничего не помнила. И я покачала головой. Так странно. Я ничего не помню, начиная с обеда в четверг и до того момента, как я очутилась здесь. Я пожалала плечами, и какое-то время Хейли молчала. Она просто изучающе смотрела на меня, затем слегка улыбнулась этой своей загадочной улыбкой. Я всегда знала, что происходит у нее в голове, но теперь могла лишь строить предположения на этот счет.

Дженни по-прежнему была увлечена содержимым своей сумки, в которой всегда трудно было что-либо найти, и я не видела ее лица, пока наконец она с улыбкой не вытащила три шоколадных батончика. Мои любимые.

Я взяла их, но сразу отложила в сторону. Как говорит моя мама, надо считать каждую калорию, а все, чем я здесь занималась, – это лежала в постели.

– Со мной все будет в порядке, – сказала я. – Я уверена, в какой-то момент

воспоминания вернутся.

Затем мы немного поговорили об этом и о том, что я делала в тот день. Пошла в школу, вернулась домой, затем по непонятной причине ушла. Все это звучит так скучно – до момента, когда я оказалась в реке.

– Мы так боялись за тебя! – изливала чувства Дженни, перед тем как сообщить, что все в школе только и говорят обо мне, будто я еще этого не знала.

У нее это от мамы, эта привычка внезапно что-то ляпнуть. У нее получаются фразы-обрывки. Она не может контролировать себя, и это просто порывы чувств, облеченные в слова. Пока она говорила, ее лицо покраснело, а взгляд метался по комнате. Выглядело это так, будто она нервничала, но я думаю, она просто не знала, как вести себя в подобной ситуации. Может, она чересчур старалась вести себя нормально. В конце концов Хейли ее оборвала, в противном случае, я думаю, она бы рассказывала о школе всю ночь.

– Эта женщина-полицейский вообще подумала, что ты, возможно, пыталась покончить с собой. – Хейли ухмыльнулась, сказав это. – Но это же бред!

Меня это тоже рассмешило. Я рассказала им о докторе Харви, о том, что мне нужно ходить к ней на консультации, и, закатив глаза и посмеиваясь, о том, какая она пресная и скучная (она действительно такая). Но я не рассказала им об этом дневнике. О том, что я должна все записывать. Во-первых, это личное, и я делаю это только потому, что мне очень скучно, а во-вторых, я не хотела, чтобы они думали, будто я записываю все, что мы говорим и делаем тут, и что кто-то еще может захотеть это прочесть. (Этого *не* произойдет! Доктор Харви может даже не пытаться залезть в мою голову.) Я не хочу, чтобы они из-за этого беспокоились.

– Ты правда в порядке? – спросила Хейли.

Это прозвучало настойчивее, чем предполагалось, и с их лиц внезапно исчезли улыбки. На какое-то мгновение я смогла увидеть, что у них под масками, потому что маски – это то, в чем мы, все три, *так* сильны. И я увидела, что они встревожены. Мы оказались на новой территории – в неизведанных водах. Я чуть не умерла. Я *фактически умерла*, и не помню почему. Это все меняет.

Я ответила:

– Да. – Мой голос уже не похож на глухое рычание, но все еще звучит так, будто у меня ужаснейший тонзиллит.

Я добавила, что очень хочу выйти отсюда, и Хейли сказала, что понимает меня, потому что тут везде пахнет стариками.

Это действительно так, мы все рассмеялись, и напряжение спало. Хейли не часто шутит, да и получается это у нее суховаато. Все изменилось, но наш старый дух товарищества не так-то легко истребить, он жив – как и я.

Дженни вытащила из сумки экземпляр сценария «Сурового испытания». Наверное, взяла его у мистера Джонса. Она призналась, что пыталась найти мой экземпляр, когда они искали «iPod» и другие вещи, чтобы принести мне, но не смогла. Она слегка покраснела, говоря об этом. Я подумала, что они на самом деле основательно порылись в моих вещах. *Сколько ящиков вы проверили? Все? Коробки у меня под кроватью?*

Экземпляр сценария, который она мне вручила, был сильно потрепан, но мне понравилось ощущение прикосновения к бумаге. По-видимому, теперь прослушивание будет в пятницу. Они упросили мистера Джонса его перенести, чтобы и я могла поучаствовать.

– Из тебя получится замечательная Эбигейл, – сказала Дженни.

На самом деле она думала, что замечательная Эбигейл получилась бы *из нее*, но никогда бы этого не сказала. Она не делала этого раньше и точно не сделает сейчас. Даже если ей предложат эту роль, могу биться об заклад, она убедит мистера Джонса отдать ее мне. Дженни так любит *угождать*. Во всяком случае, большую часть времени. Но дело в том, что она, скорее всего, ее получит. Я, конечно, хороша – намного лучше, чем думает мистер Джонс, – но Дженни просто блистает на сцене. Хотя она этого не осознает. Не вполне. Я думаю, что на самом деле она милая. В своем роде. Мы можем быть непохожими, три лучшие подружки, но всем нам нравится театр – в жизни и на сцене. Нам всем нравятся школьные спектакли. И тут мы правим.

– Может, он предложит Джеймсу Энсору роль Джона Проктора, – пошутила Хейли.

Мы рассмеялись. Я два раза ходила на свидание с Джеймсом, после того как по пьяни поцеловала его на вечеринке. Самый горячий парень в школе – так о нем говорят. Мне показалось, что его язык похож на мокрую рыбу, а руки у него какие-то неуклюжие и трясутся. Отношения так и не зашли дальше, но Джеймс с тех пор волочился за мной. Я никогда не говорила этого Хейли и Дженни – даже у нас есть свои секреты, – но я не совсем понимаю, в чем прикол секса. Я хихикаю и визжу вместе с ними, когда мы говорим об этом, но я, наверное, единственная девочка в школе, делающая вид, что все зашло дальше, чем на самом деле. Я остаюсь равнодушной при мысли об этом. Возможно, я в некотором роде как та река. Может, мне нужно быть Элизабет Проктор, а не Эбигейл.

Но это было бы не в стиле *Барби*, как нас называют в школе, а я *Барби*.

Я сказала, что мистер Джонс может сам сыграть эту роль и что не представляю, как с ней справится подросток, даже Джеймс. Для этого нужна более грубая кожа и крепкие руки. Затем я посмотрела на подруг. Они обе думали об одном – непрошенная фантазия о голом мистере Джонсе, который занимается *этим*; неправильность этой мысли делала ощущения даже сильнее. Эбигейл, Джона Проктора и все остальное заслонил образ всеми обожаемого преподавателя актерского мастерства. Я даже ощутила, как накаляется температура в комнате.

– Но, надеюсь, не предложит, – добавила я наконец. – Это было бы странно. И даже немного противно. Я имею в виду спать с кем-то такого возраста. Даже просто изображать это. – Я сделала вид, будто меня сейчас вырвет. – Жуть.

Они издали соответствующие звуки отвращения – конечно, они так сделали, но выглядели виноватыми. (Иногда они так предсказуемы!) Несмотря на это, я подумала о них с теплотой. Может, мне не стоит так много с ними играть?

– А что насчет того, кто тебе писал? – спросила Дженни, снова заговорив о моей истории – *моем событии*, чтобы перебрать все до последней детали. – Инспектор спрашивала нас об этом номере, но мы его не знаем.

Она пыталась говорить непринужденно, но я на это не купилась. Я сказала, что тоже его не знаю и что, должно быть, кто-то ошибся номером, и это не имеет никакого отношения к тому, что произошло со мной.

– Она и Бекку спрашивала, – сказала Хейли. Она перелистывала книгу, но смотрела на меня сквозь прямые волосы, спадающие на глаза, и я заметила, что ее брови изогнуты просто идеально. Мне тоже нужно подправить свои. – Будто Бекка могла что-то знать.

– Она была здесь, – тихо произнесла я. – Она читала мне, пока я была без сознания.

– Ты ее слышала? – спросила Дженни. Ей не было дела до Бекки. Она не участвовала в моем с Хейли предательстве. И она никогда не дружила с Беккой. – Это было бы странно.

– Я не знаю, – ответила я и, немного помолчав, продолжила: – Возможно, но как сквозь сон. – Я не была в этом уверена, но это то, что они хотели услышать.

– Как насчет... – Дженни наклонилась ближе, – ...когда ты... ну, знаешь...

– Умерла? – закончила я.

Хейли шокировало это слово. Она ненавидит смерть. Как и все мы, когда осознаем, что однажды это случится с нами, хотя, наверное, я достигла этого момента немного быстрее, чем мои подруги. Мы ее ненавидим и восхищаемся ею, но Хейли испытывала настоящий ужас при мысли о смерти. Я думаю, она действительно это осознавала.

Несмотря на свою идеальность, она была хорошо осведомлена о хрупкости своей плоти. Я видела, как она переживает из-за веснушек, когда думает, что никто на нее не смотрит. У нее умер кто-то из близких, когда она была ребенком? Не помню. Возможно. Может, это было то, о чем она не хотела говорить, но из-за чего перестала лазить по деревьям и взбираться на стены и строительные леса, – нечто большее, чем появление груди.

– Ну, это же правда, – помолчав, произнесла я.

Я улыбнулась, но могла думать только о темноте и подавляюще грандиозном страхе в том воспоминании, когда пыталась дотянуться до веток. Будто темнота ждала меня. Будто она надо мной смеялась. От этого у меня слегка перехватило дыхание. Но я не могу позволить этому проявиться. Я хочу выбраться отсюда в ближайшие несколько дней. Я должна. Мне необходимо оставаться *нормальной*. Я сказала им, что ничего не помню. Смотря на лицо Хейли, я не поняла, как этот ответ отразится на множестве ее страхов. Может, она хотела услышать историю про яркий свет, туннель и ангелов.

Когда пришла медсестра, чтобы сообщить, что мама Хейли приехала за ними, я на секунду задумалась о том, откуда она знает, кто из них кто, а затем вспомнила, что они все выходные прорыдали у моей кровати. Странно, что я была одновременно и здесь и не здесь. Я все еще вздрагиваю, думая об этом, несмотря на то, что в палате тепло. Это выглядело так, словно они справляли по мне поминки, а я была кем-то вроде вампира, восставшего из мертвых.

Подруги были разочарованы, но медсестра сказала, что мне нужен отдых (мне так надоело отдыхать!), и посмотрела на меня с такой теплотой, будто искренне меня любила. Она, должно быть, хорошая медсестра.

– Скоро уже принесут твой обед, – сказала она мне, а затем, прищурившись, посмотрела на чипсы и шоколад. – Если после всего этого в тебя еще что-то влезет.

Она была крупной, полной женщиной, но это не мешало ей чувствовать себя комфортно. Сомневаюсь, чтобы она когда-нибудь не доела шоколадный батончик. Она хоть раз чувствовала давление идеалов внешности? Да, я хочу шоколада. Такая, как она, съела бы сладкую вкусняшку, не раздумывая. Я ей почти завидовала.

Хейли и Дженни обняли меня, и мы превратились в сплетение волос, пальто и горячего дыхания. Поджарые руки сжимали меня крепче, и я знала, что это была Хейли. Когда они отстранились, я почувствовала, что кожа лица стала влажной от нашего дыхания.

– Пиши нам, – сказала Хейли. Она выглядела грустной. Помедлив, она добавила: – Мы правда тебя любим, Таша. Ты перепугала нас до смерти.

Дженни кивнула:

– Быстрее возвращайся в школу. Нам тебя не хватает.

Прошел всего день. Интересно, как они могли по мне соскучиться, если, без сомнений, все время говорили обо мне? Я знаю, что это плохая мысль. Я должна радоваться, что мы

снова друзья.

В конце концов, именно этого я и хочу. В последнее время в наших отношениях появились *трещины*.

– Мне тоже вас не хватало, – сказала я.

В этой фразе я использовала прошедшее время, но они этого не заметили. Я *скучала* по ним по-своему. Они были моими лучшими подругами.

Может, сейчас все будет по-другому.

18.20

Дженни

Это было слишком странно. Не думаешь?

18.21

Хейли

Ты серьезно будешь писать мне с заднего сиденья?;-)

18.22

Дженни

Хочу об этом поговорить. Rrrrrr, твоей маме. И что это за дерьмовая музыка?

18.23

Хейли

Отстой из девяностых.

18.24

Хейли

Да уж, было странно. Она и правда ничего не помнит.

18.24

Дженни

Думаешь, вспомнит? Мне страшно.

18.24

Хейли

Мне тоже. Я позвоню тебе позже.

18.25

Дженни

Я хотела, чтобы она умерла.

18.25

Хейли

УДАЛИИ! Все будет в порядке.

18.25

Дженни

Удалить весь разговор или только это?

18.26

Хейли

Разговор.

18.26

Дженни

Это такое идиотское дерьмо.

18.26

Хейли

Не волнуйся. Давай, удаляй.

Эйден скручивал косяки быстрее, чем кто-либо из знакомых Бекки, и они у него получались ровные. Его косяки были чертовски хороши, заключила Бекка, глубоко затагиваясь и наблюдая, как бумага тлеет оранжево-красным, а маленькие семена травки трескаются внутри. Три, пять или семь листов бумаги для самокруток – все они всегда были одинаковыми: идеальный баланс травки и табака, – и тебе не нужно было тянуть слишком сильно, и никакая хрень никогда не попадала в рот, как в случае, если самокрутка свернута слишком слабо.

Она хихикнула и закашлялась, когда ее начало накрывать, согревая лицо, которое все еще покалывало от холода, хотя в комнате было очень жарко. Мама Эйдена не сэкономила на отоплении. И да здравствует она хотя бы только за это. И еще за пиццу, которую она им купила.

– Хорошая дурь? – спросил Эйден.

Бекка, положив голову ему на плечо, смотрела в потолок.

– Хорошая дурь, – сказала она и улыбнулась. – А теперь покорми меня пиццей.

Он вытащил большой кусок из коробки и поднял его у нее над головой. Она потянулась, чтобы откусить, и он отодвинул его так, что она не могла достать.

– Меняемся.

Она поводила перед его лицом косяком, а затем с усилием поднялась, не обращая внимания на разлохматившиеся волосы. Улыбаясь ему, она откусила большой кусок гавайской пиццы, сыр вытянулся в длинную нить и, оторвавшись, мокро шлепнулся на ее подбородок.

– Сексуальненько.

Она пожала плечами:

– Я не Барби. Какая мне разница?

– Барби? – Эйден выдул ей в лицо полные легкие сладкого дыма, и она вдохнула его, убрав в сторону вредную пищу.

– Ну, знаешь, как Наташа и ее банда. Такое впечатление, что они никогда не едят. И, наверное, *вызывают у себя рвоту*. Как же это чертовски печально!

– Я думаю, что ты страдаешь булимией и амнезией, – задумчиво произнес Эйден. Он усмехнулся. – Ты обедаешь, а потом забываешь выблевать это.

– Засранец! – Она произнесла это не совсем отчетливо, потому что ее рот был набит ананасами и сыром. Бекка доела кусок и забрала у него косяк.

– Послушай, а почему ты вообще сейчас о них заговорила? Какое тебе до них дело? С Наташей все в порядке. Вся эта хрень скоро уляжется.

– Знаю, – ответила она. – Я думаю, что эта ситуация просто все вернула. Воспоминания о том, как хреново они со мной обошлись. – *И даже более того, хотела сказать она, это вернуло мысли о том, как сильно я хотела быть с ними. Что я позволила бы им быть со мной стервами, если бы только могла оставаться в их кругу. Я такая неудачница!* Правда, о некоторых унижениях лучше не распространяться, если хочешь удержать парня. Никому не нужно знать, какой тряпкой она могла быть, а особенно Эйдену.

– Джейми ходил ее навестить, – сказал Эйден, – но она, по-видимому, очень устала от всего этого. Думаю, поэтому он почувствовал себя идиотом. Он и в лучшие времена не очень-

то ладил с людьми. – Она протянула ему косяк, но он покачал головой: – Докуривай. Мне скоро нужно будет поиграть на гитаре.

Это было единственным, что раздражало Бекку в работе Эйдена с Джейми Мак-Махоном, – они записывались по вечерам, с семи или восьми и до полуночи, а иногда и дольше, если сроки поджимали. Это означало, что иногда она не видела Эйдена по нескольку дней. А если бы они работали днем, как все нормальные люди, то он был бы свободен по вечерам.

– Если бы он спас меня, я бы захотел его увидеть, – продолжил Эйден. – Хотя бы просто чтобы поблагодарить.

– Она и Хейли не отвечает на сообщения. Может, ей не настолько хорошо, как все думают. Когда я читала ей в больнице, она была такой неподвижной. Было трудно поверить, что она не умирает. Она была как мертвая или что-то вроде того. Наверное, не так уж легко оправиться от подобного.

Почему она вдруг начала защищать Наташу? Как долго умирают старые привычки?

– Все равно странно. И это очень в ее стиле – наплевать на то, что он сделал такой путь, чтобы повидать ее. Она могла уделить ему хоть пять минут.

– И правда, – согласилась Бекка. – Ее мама звонила моей. По всей видимости, Наташа мало что помнит. А из того дня вроде как вообще ничего.

– Все больше оснований думать, что ей было бы желательно увидеться с ним.

– Да, но это Таша. Я не уверена, что свидания в больнице – это для нее.

Эйден вопросительно смотрел на нее.

– Без макияжа. Без выпрямителя для волос. Без бюстгалтера пуш-ап.

– О, мяу. – Эйден рассмеялся, притянув ее к себе. – Ты можешь быть такой стервой, – произнес он почти ласково и запустил руку ей в волосы, наклоняясь, чтобы поцеловать.

Ей нравилось, как он целуется. Трепетное и сладкое ощущение. Под кайфом было еще лучше – а так они проводили большую часть времени, если честно. Покалывание языка, и вот наркотик уже в венах, и всего через пару секунд все ее тело начинало пульсировать. Она никогда не уставала от Эйдена. Никогда. Наташа сглупила, отказав ему.

Она подобрала Наташины обьедки. Бекка пыталась не думать об этом. Эйден любил ее, Бекку. Он бы никогда не полюбил Наташу, по крайней мере, так. Она бы не стала его второй половинкой. Но ее все еще беспокоило то, что он *хотел* Ташу, считал ее красивой. Она *действительно* красивая. От осознания этого Бекке было только хуже. Но даже если бы они стали встречаться, это продлилось бы недолго. В конце концов он нашел бы Ребекку. Как только с Таши стерлась бы сияющая позолота и под ней проявился дешевый металл, он бы понял, что Бекка – его бриллиант. Конечно, он бы это понял.

– Что? – спросил он, отстраняясь, будто почувствовав ее отвлеченность. Его глаза были мутными и красными, а улыбка – мягкой.

– Ничего, – ответила она. – Ерунда.

У них оставалось всего полчаса или около того, прежде чем он отвезет ее домой, а потом отправится работать над очередным саундтреком, который записывал мистер Мак-Махон. Она не хотела провести это время, думая о Наташе Хоулэнд. Она была частью ее прошлого, пусть там и остается. Даже если Таша приползет к ней – чего она никогда не сделает, – Бекка не захочет иметь с ней ничего общего. Если бы это Бекка оказалась возле реки, кто знает, вытащила бы она свою лучшую подругу? Вот тебе и навечно. Только умереть можно навечно. От этой мысли у нее похолодело внутри. Умереть и любить Эйдена. Она еще

крепче обняла его за шею. Это – *навсегда*. Она была уверена в этом.

Выдержка из газеты «Брекстон Геральд», среда, 13 января

Несмотря на то, что до сих пор неясно, как получилось, что шестнадцатилетняя Наташа Хоуленд (на фото слева вместе с матерью) оказалась в местной реке, где ее нашли в субботу утром, полиция на данный момент не рассматривает версию умышленного преступления.

По словам источников из больницы, мисс Хоуленд, старшеклассница Брекстонской муниципальной школы, успешно восстанавливается после того, как ее вытащили из воды, и сегодня утром ее уже выписали из больницы. Когда ее нашли, возникли опасения, что она мертва, так что ее спасение и врачи, и семья восприняли как настоящее чудо. Она все еще не помнит, что с ней произошло той ночью. Хотя у этой истории счастливый конец, похоже, ее началу суждено остаться загадкой. Семья Хоуленд и полиция просят всех, кто мог видеть Наташу в ночь с пятницы, восьмого января, на субботу, сообщить об этом.

МАТЕРИАЛОВ, СОБРАННЫХ ИНСПЕКТОРОМ КЕЙТЛИН БЕННЕТ: ВЫДЕРЖКА ИЗ ДНЕВНИКА НАТАШИ ХОУЛЕНД

Мама отправилась за покупками и взяла меня с собой. Неудивительно, что она так поступила. Чего ей не хватает, так это умения общаться, и она восполняет это наличными. Полагаю, что это, в общем-то, неплохая замена, учитывая, что папа зарабатывает достаточно, чтобы *поддерживать тот порядок, к которому мы привыкли*. Ненавижу эту фразу. Мама постоянно ее произносит, причем так, чтобы это прозвучало как шутка, но на самом деле это не шутка. Это, скорее, угроза. Напоминание о том, что делает брак крепким. Я уверена, что она любит папу, но только до тех пор, пока он в состоянии нас обеспечивать. Она старается быть с ним милой, хорошо выглядеть для него, ходит в зал и ухаживает за лицом, но все это имеет цену. А он, похоже, и не против. Ему нравится что-то покупать ей. Даже те вещи, которые ей совсем ни к чему, – например, уже несколько месяцев не используемый «MacBook Air» ^[3], такой же, как у меня, *соответствующий подарок – как мило!* Ее «iPad-mini» – единственное, что она хоть иногда берет в руки, а еще у нее есть «Kindle» ^[4] и множество других электронных устройств, которые, по его мнению, облегчают ей жизнь. А они просто накапливаются в доме. Если, конечно, я не нахожу им применения.

Все, чего мама действительно от него хочет, это чтобы он продолжал ежемесячно выплачивать задолженность по кредитке, когда она тратит несколько сотен на туфли, обеды и «вино для девочек». И он, конечно, так и делает. Потому что таким образом показывает свою любовь. Но это их жизнь, не моя. Я просто еще один аксессуар. Если от этого безумия они счастливее, то кто я такая, чтобы открывать им глаза? Особенно учитывая сумму на карманные расходы, которую получаю каждый месяц. И свободу. Все это в мою пользу.

Из больницы мы возвращались как семья, но как только переступили порог дома и они убедились, что я не инвалид, папа не знал, куда себя деть. Он отправился поработать в свой кабинет, так что у нас появилось достаточно времени, чтобы поиграть в *дочки-матери*. Не знаю, как отнеслась к этому мама, но я от такой перспективы мысленно застонала. Я просто хотела расслабиться в своей комнате. Сделать то, что мне нужно было сделать. Подумать. Возможно, почитать пьесу перед прослушиванием. Подготовиться к возвращению в школу. Пойти на шопинг в одиночку. Я проверила на телефоне все свои страницы в социальных сетях, пока она заваривала чай и отрезала порции от шоколадного торта – совсем тоненькую для себя и побольше для меня, но такая доброжелательность начинала надоедать. С тех пор как стало ясно, что я не собираюсь продолжать свое оборвавшееся свидание со смертью, излиятий любви стало значительно меньше. Драма закончилась. Хотя это окончательно произойдет, когда я вернусь в школу. Я посмеиваюсь над собой из-за этого – из-за всей этой суеты.

После того как мы допили чай и съели по куску чересчур сладкого торта, мама заявила, что ей придется отказаться от обеда, чтобы компенсировать калории, даже несмотря на то,

что она худая как жердь. И я подумала, не стоит ли и мне пропустить обед, ведь я съела еще и батончики, и эта мысль меня раздражала. Мне не нужно худеть. Я знаю, что у меня хорошая фигура. Так же, как и у нее. Я с трудом поборола соблазн сказать ей, что худоба не всегда идет стареющей женщине, но зачем портить момент?

Интересно, в молодости она была такой же худой и подтянутой? Ее кожа отличается от моей. В некоторых местах она уже начинает обвисать. Моя же упругая, плотно прилегает к мышцам, мое тело – отлаженный и сильный механизм. Ее тело местами совсем старое. Обвисшая грудь. Свисающая кожа на локтях. Я никогда раньше не замечала этого шепота физической смертности. Последние пару дней я стала замечать за собой одержимость темой смерти. Думаю, этого стоило ожидать. Моя комната сейчас кажется мне немного странной. Войдя в нее после того, как я сбежала от разговора про калории, я уставилась на окно – надежно запертое, – а потом на дерево с веревочной лестницей на некотором расстоянии от дома. Выпало много снега. Я бы не хотела лезть по ней в такую погоду, несмотря на то, что я сильная.

Я сидела на кровати, лениво листая «Суровое испытание», и размышляла о том, когда меня позовут. (Она безумно предсказуема, моя мать. Но ведь большинство людей такие.) Оказалось, через двадцать минут. Я уже собрала сумку и обулась, когда она постучала в дверь, чтобы предложить мне проехаться по магазинам.

– Я бы хотела подарить тебе что-нибудь миленькое, – сказала она, будто это помогло бы мне разобраться с тем, что со мной случилось. – Может, новое пальто для такой ужасной погоды?

У меня достаточно пальто, в чем можно убедиться, заглянув в мою гардеробную, но одежды никогда не бывает слишком много. Я улыбнулась в ответ. Во многих отношениях у меня далеко не худшая мать, это точно.

* * *

Я надела шапку и заправила под нее волосы – чтобы меня труднее было узнать. Не то чтобы я была знаменитостью, но сегодня утром под больницей были репортеры и фотографы, и могу поспорить, что я хреново получилась на их фотографиях. Они хотят сделать фото со мной и Джейми Мак-Махоном. Может, я и соглашусь. Я не могу решить, хочу я говорить с ним или нет. Я не захотела общаться с ним в больнице, но есть вероятность, что это может быть интересным. Мне кажется, что я уже знаю его. Может, стоит с ним увидеться. Подумаю об этом позже. Это не срочно.

Мы шли мимо магазинов, в которых в середине недели было безлюдно из-за противной погоды, и через час или около того – все-таки немало времени заняла покупка трех топов, юбки, пальто и пары зауженных джинсов – я упомянула, что хотела бы подарить Хейли и Дженни браслеты дружбы или что-то в этом духе, чтобы они знали, как много для меня значило их присутствие там. Я опустила глаза на свои ботинки и попыталась не покраснеть. Я не хотела выглядеть слишком благодарной за то, что они навещали меня, и не хотела, чтобы они думали, что я очень нуждалась в этом.

– В больнице у меня возникло странное ощущение, – объяснила я. – Я осознала, насколько все хрупкое.

Это правда. Мысль о том, что я чуть не умерла – *по-настоящему*, а не просто на

тринадцать минут, – все еще вызывает у меня дрожь.

– Тогда давай так и сделаем, – сказала мама, улыбнувшись. – Но пусть для тебя это будет праздником вашей дружбы, а не страхом потери.

Иногда она слишком сентиментальна, но, возможно, в данном случае была права. Я тоже улыбнулась. А как же иначе? Мне ведь нужна была ее кредитка, чтобы за все заплатить.

– А что насчет Ребекки? – неуверенно спросила она, когда мы уже выбрали тонкие браслеты с брелоками и серебряными сердечками с надписью «Друзья навсегда». Может, они выглядели немного детскими – ладно, совсем детскими, – но они точно были не безвкусные. Цена это подтверждала.

Я ненадолго задумалась. Бекка. Конечно. Но не браслет. Это было бы смешно, учитывая все, что произошло, но у меня появилась другая идея.

* * *

Когда мы пришли домой, позвонила невыносимо серьезная инспектор полиции Беннет – хотела убедиться, что все хорошо и я спокойно добралась домой. Она сказала родителям, что в данный момент расследование приостановлено, но чтобы они сразу же звонили, если я что-нибудь вспомню. Она говорила все это моему отцу, будто я из какой-то далекой страны и ни слова не знаю по-английски или, и того хуже, словно я пятилетка.

Ну а что, если именно отец толкнул меня в воду? Что, если это *так*, миссис умная инспектор полиции? Едва ли я смогу попросить у него твой номер, чтобы позвонить и сказать: «Эй, угадай-ка, что я вспомнила». Потерять память плохо и без того, что другие вдруг стали считать меня отупевшей.

Когда они договорили, папа спросил, хочу ли я заказать где-нибудь обед. Мы редко заказывали еду на вынос. Мама гордилась своими кулинарными навыками, но при этом настолько стеснялась быть домохозяйкой, что нам пришлось нанять горничную, которая приходит дважды в неделю и занимается глажкой. Среди ее подруг отказ от работы – это символ статуса, но иногда я думаю, что так много вина в обеденное время – не показатель полноценной жизни. Когда-то давно, до моего рождения, она работала. Тогда же она и встретила папу. Как бы то ни было, мама отлично готовит и гордится тем, что каждый вечер ставит на стол полезные, но вкусные блюда. Это как раз тот момент, который я *стараюсь* не пропускать, потому что тогда моя жизнь становится проще. Мои родители, похоже, не сильно озабочены тем, что не знают, где я нахожусь каждую минуту, но им действительно нравится, когда мы ужинаем всей семьей, даже если мама просто грызет салат, делая вид, что ест. Обычно я выделяю на это минут пятнадцать, а они, как правило, считают это приемлемым.

Видимость. Это все только видимость. Я думала о том, что мы пополдничали тортом. Думала про лишние калории. «Хрен с ними!» – в конце концов заключила я. Я ведь чуть не умерла.

– Было бы неплохо заказать китайскую еду, – сказала я.

– Значит, китайскую, – согласился папа. – Как пожелает моя принцесса. – Он взял кофе и направился обратно в кабинет.

Было уже больше двух часов дня. Мне следовало пошевелиться. У меня были дела.

– Я хочу отвезти эти подарки, – сказала я. – Чтобы для них это был сюрприз, когда они вернутся из школы.

Мама начала было говорить, что она отвезет меня, но я ее прервала:

– Все будет хорошо. Обещаю.

Я была твердой и крепкой. Как и моя кожа. И я знала, что она не станет со мной спорить. Она практически никогда не спорит. Если честно, за исключением этого почти смертельного происшествия, у нас все было гладко, а ведь я делала в общем-то все, что хотела, с шести лет. Никаких проблем или ужасных инцидентов. Кроме случая с классным хомяком в первом классе и того, что случилось с идиотским выходным платьем Бекки, когда нам было по шесть лет, но все это быстро забылось. Взрослые прощают детей. Это были хорошо усвоенные уроки.

Я пообещала, что вернусь приблизительно через час. *Я не буду долго гулять. Я все еще чувствую себя уставшей.* Последняя фраза была ложью. Я не была уставшей. Даже наоборот, я чувствовала себя бодрой.

Мама согласилась. Я надела новое пальто – только чтобы угодить ей. В целом я хорошая дочь. По крайней мере стараюсь быть таковой. А пальто это отличное, красное. Оно подходит к моим светлым волосам, но подойдет и к темным, если я перекрашусь. Хотя мне и нравится, что мы сейчас выглядим одинаково, я скучаю по темному цвету волос. Мне иногда хочется снова стать брюнеткой.

Я торопилась. На улице похолодало и надвигались снеговые тучи, а я уверенно шагала по ледяной каше. Это лучший способ. Падает на льду всегда тот, кто слишком осторожен. Я должна быть смелой. Решив начать с менее близкой подруги, я направилась к дому Дженни.

На пороге мне пришлось пережить удушающие объятия ее мамы, а потом я спросила, могу ли оставить подарок для Дженни на ее кровати. Лиз прослезилась, и ее слезы стали черными. Она плакала дешевой тушью.

– Ох, дорогая, это так мило! Они действительно переживали о тебе, обе. Знаешь, мне кажется, она совсем не спала с тех пор, как мы узнали. Она и не подозревает, что я в курсе. Я понимаю, что вам, девочкам, нужно собственное пространство, но я слышала, как она посреди ночи говорит по телефону. Слышала, что она встает попить. Наверное, в школе заметили, в каком она состоянии, потому что даже звонил один из учителей, спрашивал, все ли с ней в порядке. И, конечно, где же ей и быть, как не у тебя в больнице вместе с Хейли? – Она гладила мои волосы. – Вы трое как сестры, не так ли? Двойняшки.

Я хотела указать на ее математическую ошибку, но вместо этого пробормотала *да* и взлетела по лестнице, на ходу расстегивая сумочку. Моя мама, наверное, наливает себе первый за день стакан, но Лиз, должно быть, уже прикончила бутылку. Не знаю, как Дженни справляется с этим.

Я сделала то, зачем пришла, – оставила красиво упакованную коробочку и маленькую открытку на ее подушке и насладилась моментом удовлетворения, перед тем как спуститься в гостиную. Лиз не пошла за мной. Наши спальни – это наши святилища, и Дженни способна была закатить истерику, если бы мама стала рыться в ее вещах. Лиз позволено только оставлять чистое белье Дженни у нее на кровати. Дженни нравится самой складывать свои вещи. У порога я опять обняла Лиз, а затем пошла к Хейли. Я считала повороты между их домами. Тринадцать. Я постаралась выбросить это число из головы.

У Хейли было легче. Ее мама больше похожа на мою – она заботливая, но сдержанная в проявлении чувств. Она пустила пару слезинок на пороге, увидев меня здоровой, но они не образовали разводов туши на ее щеках. На ее лице я читала облегчение от того, что это я чуть не утонула в реке, а не Хейли. Она смотрела на меня, на мои светлые волосы, а я понимала:

она думает, что на моем месте вполне могла оказаться ее красивая дочь. Я также понимала, что она испытывает чувство вины из-за такой мысли, а затем облегчение от того, что в конце концов все хорошо закончилось. Я умею читать по лицам.

Ее объятия были слабее, чем у Лиз, а проводив меня к лестнице, она так и осталась там стоять, пока я не вернулась. Она не трогала мои волосы, не изливала своих чувств. Я управилась с визитом за пять минут.

Более странно было дома у Бекки. К тому времени, как я туда добралась, мое лицо разругалось от холода, а из носа начало течь. Я не считала повороты. Не хотела опять насчитать тринадцать. Я позвонила в дверь, и мое сердце заколотилось в груди от неожиданного волнения. Давно я здесь не была. Годы прошли.

При виде меня Джулия Крисп открыла рот от удивления, а затем сменила это выражение на радушное. Я видела, что она оценила мое пальто, гладкие волосы, все мое величие «соседской девочки». Я видела, что она размышляет о том, как выглядела бы Бекка, если бы мы все еще дружили. Она бы выглядела такой же запущенной, как сейчас? А может, она бы не была такой невзрачной?

Честно говоря, я не знаю, невзрачная Бекка или нет. В школе она всегда выглядит угрюмой в своих черных футболках, поясах с шипами и с бесцветным макияжем. Почти как гот, но не совсем. Скорее рокер. Как бы то ни было, Бекка может выглядеть намного лучше, и Джулия это знает.

Они переделали кухню, с тех пор как я была здесь последний раз, и сделали ремонт в коридорах. Не знаю, почему меня так шокировало то, что теперь здесь все выглядит иначе. Я не заходила сюда четыре года, может, и больше. Я не решила оставить подарок в комнате Бекки – было бы странно попросить об этом, да и не было такой необходимости, – так что я вручила его Джулии. Я чувствовала себя неловко и даже покраснела.

– Это просто... ну, своего рода благодарность, что ли. Знаете, за проведывания в больнице. Она не была обязана. И за то, что читала мне, ну и все остальное.

Беря коробку, она улыбалась так широко, что я думала, ее лицо сейчас расколется пополам.

– Ох, Наташа, какая ты внимательная! Я уверена, что она обрадуется. Вам всегда так нравилось вместе играть в шахматы.

Это был недешевый комплект – шахматные фигурки, вырезанные вручную из мыльного камня. Чуть больше ста фунтов. Интересно, как я могу научиться что-либо ценить, если моя мама готова так много тратить на знаки благодарности для моих друзей?

Нам нравилось играть в шахматы, в чем Бекка была очень сильна. Хоть и не настолько, как я.

– Жаль, что вам не удалось сохранить «шахматный клуб», – сказала она. – Бекка все еще иногда играет с отцом. – Она пожала плечами. – Наверное, шахматы просто недостаточно крутое занятие для подростков.

Я пожала плечами в ответ. Она была права. Шахматный клуб? Ну уж нет. Даже у меня не получилось бы одновременно быть хоть немного крутой и играть в шахматы. Да я и не особо хотела. Я видела лузеров, которые до сих пор играют. Сомневаюсь, что и Бекка сейчас практикует это, пусть даже она и торчит регулярно с Ханной Альдертон, которая фактически царапает дно социальной шкалы.

Хоть я никому и не говорю об этом, я иногда играю в шахматы на телефоне, в одном из тех приложений, где ты выступаешь против компьютера. Я все еще достаточно хороша в этом

деле. Но это не то же самое, что играть с Беккой. Стоя тут, в ее кухне, я почувствовала, как мне ее не хватает. Остро не хватает. Ну разве это не странно?

* * *

К тому времени, как я вернулась домой, я *действительно* очень устала. Устала как собака. Глаза закрывались. «Слишком много свежего воздуха», – заявила мама и отправила меня в спальню вздремнуть перед ужином. Если я собиралась вернуться в школу в пятницу, мне нужно было как следует отдохнуть. Она, конечно, права.

Постель была только из стирки, и я наслаждалась запахом свежего белья. Переплетения нитей будто хранили в себе воспоминания из детства и вызывали чувство безопасности. Было почти четыре часа, и небо уже стало темно-синим на пороге тьмы.

Лежа на боку, я смотрела на него. Синева была красивой, но темнота наполняла меня ужасом. Я закрыла глаза. Эта темнота была еще хуже – она была внутри меня. В моей голове. Поела меня. *Тринадцать поворотов по пути. Тринадцать минут смерти.* Я начала задыхаться и села. Мне нужно было взять себя в руки.

Я в порядке. Я знаю, что это так.

Я зажгла ночник и сделала три глубоких вдоха. Я не слабая. *Я выжила.* Это была просто темнота. Не смерть. И все же я оставила лампу включенной и опять легла. Когда я снова закрыла глаза, мир за веками был красновато-оранжевым, что напомнило мне об осени. С этим я могу справиться.

Темнота все же наступила, ну а как же иначе? Она охватила меня, когда дыхание замедлилось, а разум опустел. Она тянула меня вниз. Я запуталась в ветвях. Течение тянуло меня ко дну. Подо мной была пустота. Непроглядно темная. Голодная. Мир растворился – не было льда, холода, прутиков, царапающих мою замерзшую кожу. Просто темнота.

И что-то ждало меня в ней.

– Он помнит меня, – сказала она, когда Бисквит начал прыгать на нее, а затем, играя, прижался к полу; его хвост молотил по ковру, выбивая пыль, а потом он снова стал подпрыгивать.

– Должен помнить, – согласился Джейми, хотя Бисквит вел себя так со всеми – как с незнакомцами, так и со знакомыми.

Этот сумасшедший клубок вонючей шерсти, который практически не поддается дрессировке, был ошалелым, чересчур дружелюбным и жадным. Но сейчас, наверное, только Бисквит не чувствовал себя неловко. Джейми точно было неудобно, как и матери Наташи, которая сидела на самом краю дивана, сложив руки на коленях и одним глазом настороженно наблюдая за собакой. Если Элисон Хоуленд и любила животных, то выглядела она как человек, который, скорее, завел бы кота.

– Я заварил чай. – Эйден, застыв на секунду в дверях, вошел с подносом и поставил его на кофейный столик, пролив немного молока из доверху наполненного молочника. Еще на подносе было шоколадное печенье – остатки от их перекусов в студии наверху.

– Эй, Эйден, как ты? – сказала Наташа, сверкнув идеальной улыбкой темноволосому парню. – Я едва узнала тебя.

– Хорошо. – Он пожал плечами, его взгляд скользнул с нее на Джейми. – Пойду наверх. Мы должны закончить записывать трек, а я хочу, чтобы партия второй гитары звучала идеально.

– Спасибо. – Джейми явно хотелось к нему присоединиться.

– Я надеюсь, мы не очень отвлекли вас от работы. – Элисон уже разливала чай, и Джейми на секунду задался вопросом, как она может выглядеть такой неловкой и в то же время держаться так уверенно в чужом доме. Противоречивая. Как и ее дочь.

– Нет, все в порядке. Мой рабочий график достаточно гибкий. – В отличие от Эйдена, Джейми не мог оторвать взгляд от Наташи.

Нет, он не испытывал к ней сексуального влечения, хотя она и была очень красивой девушкой, к тому же в поре идеально цветущей юности, – дело было в том, что она выглядела такой живой. Такой здоровой. Сегодня был четверг, так что видел он ее в последний раз меньше недели назад, и тогда она была холодной, синей и не дышала. В газетах, конечно, размещали ее фотографии, но они были сделаны *раньше*. Тогда она была другой. Ну, начать с того, что она была темноволосой.

Она вопросительно посмотрела на него, и он залился румянцем.

– Извини, просто это так странно – и, конечно, здорово – видеть тебя такой, но когда мы сталкивались в последний раз, я думал, что ты мертва. Это как встретить привидение.

– Я очень даже живая. – Она улыбнулась, слегка покраснев. – Благодаря вам. – У нее были идеально ровные белые зубы. Он не заметил этого, когда доставал ее из воды. Ее рот был приоткрыт, но он мог видеть только ужасную синеву ее губ. Теперь же эти губы были покрыты бледно-розовым блеском. Вроде как и не покрашены. Взрослая, но недостаточно. – Хотя все могло обернуться по-другому, если бы вы вышли гулять позже. – Ее голос звучал непринужденно, когда она взяла чашку чая, которую ей подала мать, но светлые волосы закрывали ее лицо, и он вдруг испытал ничем не обоснованное чувство вины.

– Ты знаешь, я тоже об этом думал, – сказал он. Потом наклонился и почесал собаку за

ухом. Мокрый язык прошелся по его пальцам. – Это Бисквит виноват. Он спрятал свой ошейник.

– Я читала об этом, – отозвалась Наташа. – Но он также нашел меня в реке, так что я его прощаю.

Гости не брали печенье, и пес начал пускать слюни. Джейми взял тарелку и протянул им, но обе Хоулэнд отрицательно покачали головами.

– Дома нас ждет ужин, – с улыбкой пояснила Элисон.

Эта более старая версия дочери хорошо выглядела. Джейми полагал, что в ее дневном рационе было не слишком много пирожных или печенья.

– Тогда я уберу его, – сказал он. – Бисквит не может устоять перед соблазном и в два счета утащит что-нибудь с тарелки, я не зря его так назвал. Наверное, хорошо, что у меня нет детей. У меня не очень получается приучать к правилам.

– Я просто хотела извиниться, что не смогла пообщаться с вами в больнице, – вставила Наташа. Она гладила Бисквита, но Джейми заметил, что делала она это осторожно, чтобы не нацеплять шерсти на одежду. Он ее не винил. Пахнуть мокрой собакой не очень-то приятно в любом возрасте, но точно не круто для подростков. – Это, вероятно, было грубостью с моей стороны, – закончила она.

Джейми покачал головой:

– Нет, конечно нет. – Это не было до конца правдой. Когда его не пустили к ней, он почувствовал себя идиотом, особенно когда репортеры на улице потребовали рассказать, каково ее состояние.

– Я попросила их сказать вам, что отдыхаю, но это было не совсем так. – Ее большие глаза, устремленные на него, были полны извинений и просьб о понимании. – Я просто еще не была готова... ну, встретиться с вами. Это, наверное, странно звучит. Мне казалось, что, если я вас увижу, мне придется признать, что все это действительно случилось. Я же старалась думать, что все в порядке, но когда происходили странные вещи – ну, например, возможность увидеть вас, – меня это сбивало с толку.

– Я понимаю, – сказал он. – И все в порядке, правда. Самое главное, что тебе уже лучше.

– Хотя она до сих пор не может вспомнить, что произошло, – сказала Элисон, наклоняясь над столиком. – Ничего. Я бы хотела, чтобы она вспомнила. Я имею в виду, слава богу, что на нее не напали, но мне все же хочется знать, почему она там оказалась.

– Мама! – Наташа, смутившись, закатила глаза. – Это не должно волновать мистера Мак-Махона.

– Я бы хотел вам помочь, – сказал Джейми, – но я видел только девочку в реке. Никого больше. И не было никаких признаков того, что там был кто-то еще.

Он снова и снова перематывал свои воспоминания, переживая, что упустил что-то в то утро. Он был уверен, что нет, но все его внимание – та малость, что осталась вследствие шока, – было приковано к Наташе, и как только он вошел в воду, его чувства будто атрофировались.

– Не обращайтесь на нее внимания. Пожалуйста, – сказала Наташа.

Девушка явно была смущена, но Джейми удивило то, что она говорит о маме, как будто той здесь не было, будто они поменялись ролями ребенка и матери. Он еще больше удивился, что это сошло ей с рук. Элисон ничего не сказала, только виновато пожала плечами. Может, она просто испытывала огромное облегчение от того, что ее дочь вернулась домой практически целой и невредимой, и не хотела ее одергивать, но в этом было что-то *давно*

укоренившееся. Наташа так привычно произнесла это.

– Мы знаем, что если бы вы что-то вспомнили, то рассказали бы полиции, – добавила она. – И я уверена, что память ко мне вернется, когда я буду готова, и окажется, что в этом виновата я сама, что это просто глупость, несчастный случай.

Она попивала чай. Сверху, из студии на чердаке, донеслись звуки гитары. Эйден, вероятно, неплотно закрыл дверь.

Бисквит, всегда искавший, что бы могло его привлечь, выбежал из комнаты, услышав шум.

– Растаяло очарование, – сказала Наташа.

– Ему нравится находиться в студии. Вечером там всегда теплее всего.

– Вы работаете по ночам? – Глаза Наташи моментально расширились. – Допоздна?

– Иногда. Когда втягиваюсь в работу.

Она казалась ошеломленной.

– Вау. А как же вы тогда гуляете с собакой так рано? Вы это делаете перед тем, как лечь спать?

– Время от времени да, но я никогда не был любителем поспать. Как правило, я сплю не больше четырех часов. И предпочитаю вымотать Бисквита пораньше, иначе он потом сводит меня с ума.

– У меня тоже проблемы со сном, – мягко сказала она. Совершенство ее юности немного омрачилось, но ненадолго. Она снова заговорила о собаке. – Он такой милый! – Она погрозила Джейми пальцем: – Но не позволяйте ему снова прятать свой ошейник! От этого может зависеть еще чья-то жизнь.

Джейми рассмеялся вместе с ней, радуясь, что она может шутить над этим. Это облегчило его необъяснимое чувство вины. Она была в порядке. Все закончилось хорошо. Наташа поднялась, и мать последовала ее примеру.

– Что ж, нам пора. Я еще хотела успокоить вас насчет фотографий, которые просили сделать газетчики. Я им отказала. Я знаю, что вы частное лицо, – газеты не переставая об этом жужжали – и, честно говоря, я просто хочу вернуться в школу и привести свою жизнь в порядок. Могу поспорить, что вы тоже.

Джейми не мог не испытать облегчения.

– Да. Я бы согласился, если бы ты попросила, но это совсем не мое. Если бы я жаждал внимания, то играл бы в группе, а не работал над саундтреками.

– Я так и поняла. – Она поднялась на цыпочки и коснулась губами его щеки. – Еще раз спасибо.

Он смотрел на них, пока за ними не захлопнулась дверь. Бисквит, уловив какое-то движение внизу, сбежал по лестнице и теперь метался у его ног. Оставив поднос на столике, Джейми понес свой чай в студию.

– Они ушли? – спросил Эйден.

Он кивнул.

– Она, похоже, хорошая девочка.

Эйден пожал плечами:

– Да, наверное.

Джейми хотел спросить, что он имел в виду, но решил промолчать, когда увидел, что Эйден опустил голову так, что его лица не было видно за волосами. Иногда Джейми забывал, что Эйден сам не так давно закончил школу. Ту же, в которую ходила Наташа. Может, между

ними что-то было. Впрочем, его это не касалось, и он не собирался совать свой нос куда не следует. Сев за стол, он впился взглядом в экран монитора.

– Правильно, – сказал он. – Давай сделаем из этого микс. И закрой дверь. Тебя слышно внизу.

Бисквит проскочил внутрь и плюхнулся на свою лежанку; дверь закрылась и, не слышимый внешним миром, Эйден начал играть.

Бекка не знала, как отнестись к комплекту шахмат. То, как сверкнули мамины глаза, когда она вручила ей подарок, мгновенно заставило Бекку его возненавидеть. Мама будто говорила: *Смотри! Смотри! Ты тоже можешь быть Барби, просто надо прихорошиться. Ты могла бы стать такой дочерью, какую я всегда хотела. Ты могла бы быть девочкой, которую выловили из реки, а не сидеть на скамейке запасных.*

Но он *иправда* был красивым, все фигуры были изящными, а в руке они ощущались объемными. Ей нравились их размер и вес. В школе они всегда играли небольшими фигурками, и почему-то Бекке это казалось неправильным. В шахматах был важен каждый ход. Данные фигуры отражали это.

– Красивые, правда? – спросил папа, когда она разложила доску на журнальном столике. Ей пришлось согласиться. Они действительно были такими.

У нее засосало под ложечкой, когда она осознала, ужасаясь этому, что воодушевилась. Может, Наташа решила снова стать ее подругой? Может, они будут, как раньше, играть в шахматы долгими зимними вечерами, сев по-турецки на полу и жуя какой-нибудь фастфуд? Это была глупая мысль. Они слишком взрослые для такой фигни. Их жизнь была много чем загружена. Тем не менее внутри вспыхнула маленькая искорка, этакий звенящий светлячок, от которого она не могла избавиться.

Ты не Барби, прошептал голос из глубины души. *Помни об этом. Помни, как они к тебе относились.* Но все же, когда она подписывала открытку с благодарностью, которую ее мама должна была завезти Хоулендам на следующий день, Бекка уже с нетерпением ждала момента, когда Наташа вернется в школу.

Это чувство продлилось примерно до 9.05 четверга, когда, пока она убирала шарф и перчатки в свой школьный шкафчик, гудение улья не достигло ее ушей. *О боже, вы видели браслеты Хейли и Дженни? Разве они не красивые?* Прошло еще пару часов, до того как она сама их увидела во время перерыва. Она их не рассмотрела, просто заметила вспышку серебра, сопровождавшуюся побрякиванием подвесок и воркованием: *Ох, это так мило, друзья навеки. Так классно! Боже, вы, должно быть, так рады, что она в порядке. Вы трое так близки...*

После этого Бекка полностью абстрагировалась. На их браслетах с подвесками было написано «Друзья навеки». Может, Наташа действительно считала этих двух таковыми. Она прикусила язык и отвернулась, чтобы не сказать им всем, что Наташа когда-то была ее *лучшей подругой навеки*, и посмотрите, что из *этого* вышло. Она не хотела, чтобы кто-то решил, что это ее волнует. Ей все равно. Разве могло быть иначе? Это было давно. Теперь шахматный комплект казался ей громоздким и глупым. И у нее, конечно же, отпало всякое желание прикоснуться к нему.

Она несколько раз срывалась на Ханне во время ланча и объяснила свою нервозность воображаемой менструацией, когда увидела, что подруга расстроилась, но пытается это скрыть. Под конец дня, когда в три пятнадцать вместе с последним звонком пришло облегчение, она отправилась прямо к Эйдену и вволю накурилась травки. Потом они занялись смешливым, сонным сексом, и она пыталась не издавать звуков, пока его мама заваривала чай в соседней комнате. Секс не был отличным – она не была уверена, что уже знает, какой он, *отличный секс*, – но этот был теплым и близким, и ей нравилось слышать,

как его дыхание у нее над ухом все ускоряется. Будто из-за нее он теряет над собой контроль. *Из-за нее.* Бекки. Не Барби. Из-за простой замарашки. Это заводило ее больше всего остального.

Когда они закончили, ему нужно было снова возвращаться к мистеру Мак-Махону, хотя он уже пробыл там почти весь день. Но сначала он завез ее домой, от морозного воздуха она немного пришла в себя, так что вполне могла встретиться со своими строгими родителями.

– Значит, Таша завтра уже будет в школе, – сказал он, когда машина остановилась.

Она кивнула.

– По крайней мере теперь все может вернуться в свое русло.

– Да уж, – отозвалась она, глядя сквозь ветровое стекло на снег, лед и чистое темное небо.

Стекло не полностью оттаяло за короткую поездку до ее дома, и потрескавшийся лед все еще покрывал его в тех местах, куда не доставал теплый воздух от нагревателя, обрамляя вид. Она думала о том, какие чувства испытываешь, когда погружаешься в черную ледяную воду. Наверное, это как вывалиться в открытый космос, где из тебя медленно высасывается кислород. Впервые за все это время она действительно задумалась о том, что произошло с Ташей в ту ночь. Полицию это, похоже, не сильно заботило – она больше не видела инспектора Беннет, так что все это еще оставалось загадкой. Наташа. Всегда в центре внимания.

– Да, я думаю, именно это имеет значение.

Она подумала, а не разбить ли ей этот комплект шахмат?

* * *

– Привет.

Бекка не ждала прослушиваний с нетерпением и редко на них ходила, но мистер Джонс натолкнулся на нее в коридоре во время обеда, улыбаясь и махая расписанием перед ее носом, вот и все. С другой стороны, почему она не должна идти? Ей действительно нравилось работать с декорациями и светом, следить за тем, чтобы все прошло гладко, а в этом году ей предстояло руководить всем этим. Мистер Джонс прав. Такие вещи могут как сделать, так и испортить шоу.

Первая пятница в двухнедельном школьном расписании была лучшим днем. Первой пары не было, значит, можно подольше поваляться утром, а после обеда опять было окно. Совсем не думая о пьесе до этого, она использовала свободное время, чтобы, найдя тихий уголок возле батареи, пробежаться по тексту, записывая идеи о том, как можно было бы воплотить на сцене это суровое и сильное произведение. Все должно быть просто. Можно было придерживаться черно-белой гаммы, которая бы подошла по тематике и соответствовала одежде пуритан.

Она должна была признать, что это великая пьеса. Произведения Шекспира ее не трогали – слишком много усилий приходилось прикладывать, пытаясь докопаться до глубинного смысла поэтических фраз, а вот история Миллера об истерии, лжи и правде взывала к ней. Столько эмоций! Ничего общего с романтической любовью, о которой мечтали все. Это был рассказ о темной, всепоглощающей страсти, и некоторые места она читала, затаив дыхание. Ложь честной обиженной женщины, пытающейся спасти мужа.

Защита доброго имени и все, что с этим связано. Она видела себя в роли Элизабет. Не блестящей Эбигейл, или робкой Мэри Уоррен, или кого-либо из остальных девушек, танцующих под заклинание Титубы, – это были Барби. Будет сложно поставить ее как следует, но мистер Джонс выбрал идеальную пьесу для этой своры злобных сучек.

Какое-то время она была полна энтузиазма, но когда прозвенел последний звонок, нервы у нее снова стали как натянутые струны. Если бы Ханна, ее преданная помощница, не встретила Бекку, чтобы вместе пойти в театр, она бы, наверное, слиняла. Придумала бы предлог, чтобы пропустить прослушивание, если бы не было другого выхода. Благодаря сегодняшнему расписанию она весь день не видела Наташу, к тому же они с Ханной провели обеденный перерыв у батареи в коридоре, куда выходили двери кабинетов естественных наук. Они там прятались, хотя никто из них не признался бы в этом. Улей был слишком оживленным и шумным, и сегодня рой кружился вокруг Наташи, Хейли и Дженни. Бекка не хотела всего этого видеть, она подождет, пока это жужжание утихнет.

Она пришла на прослушивание рано, зная, что остальные будут толочься у своих шкафчиков или пойдут перекурить перед тем, как отправиться в театр. Барби решат прогуляться и придут на десять минут позже остальных, чтобы их появление стало событием. Мистер Джонс уже был на месте, и она села на стул возле него, лицом к входу. Благодаря этому она должна была чувствовать себя более сильной, но это не сработало. Она ощущала себя незащищенной. Бекка, опустив голову, стала шуршать бумагами, но лишь для видимости, а когда подошла Ханна, чтобы поговорить о новой осветительной установке, она огрызнулась, заявила, что это может и подождать. Начали собираться люди, первыми пришли одиннадцатиклассники, потом кое-кто из десятиклассников – талантливые *придворные особы*, как называл их мистер Джонс. Все выглядели беззаботными, будто было неважно, кому какая роль достанется.

Бекка *ощутила* появление Барби раньше, чем даже услышала их голоса. Всплеск энергии прошелся по прохладному помещению. Для нее это не имело значения. Ей все равно. Ей давно уже было все равно.

Почему же тогда она так странно себя чувствовала?

– Привет, Бекс.

Она подняла голову и увидела Наташу, светившуюся жизнью. Невредимую. Здоровую.

– Привет, – сказала Бекка. Она была уверена, что ее шея покрылась пятнами из-за внезапно охватившего ее жара. – Рада, что ты в порядке. Спасибо за шахматы, – торопливо пробормотала она.

– А я рада, что они тебе понравились! – Таша улыбнулась. – Мама купила Хейли и Дженни браслеты, но я подумала, что ты предпочла бы шахматы. Не думаю, что браслеты с подвесками – это твое.

На мгновение кровь в жилах Бекки буквально вскипела, когда она решила, что это издевка, намек на то, что она приземленная мужланка или что-то в этом роде, но в Наташином голосе не было и тени ехидства, а боковым зрением Бекка увидела, что Барби смотрят на них. Она бросила взгляд в их сторону. Несколько девушек, выбирающих, где лучше сесть, уставились на нее с презрением, недоверием и даже оттенком ужаса. Это могло быть чем угодно, но точно не подставой. *Мама купила Хейли и Дженни браслеты*. Наташа не выбирала их сама.

– Что ж, мне пора поискать место. Просто хотела поблагодарить за то, что приходила в больницу, и за все остальное.

– Все нормально.

Мистер Джонс хлопнул в ладоши, чтобы привлечь их внимание.

– О, сегодня будет вечеринка, хочешь пойти? – поспешно сказала Наташа, наклоняясь вперед. – После прослушивания мне нужно на этот идиотский сеанс психотерапии, но тусовка все равно начнется не раньше девяти или даже десяти. У Марка Притчарда. – Она развернула к себе блокнот Бекки и, нацарапав на листе адрес и телефон, вырвала его и вручила Бекке. – Тут адрес, где будет вечеринка, и еще мой номер, пока полиция не вернет мне телефон. Они не разрешают мне купить новую сим-карту. – Она поморщилась. – Хрен знает почему. В общем, будет здорово, если ты придешь.

Бекка взяла листок и кивнула, не зная, что сказать, но ее спас мистер Джонс, который начал зажигательную речь перед прослушиванием. Таша поспешила занять место в зале, и, наблюдая за ней, Бекка поймала взгляд Хейли. Спокойный, холодный, оценивающий взгляд. Бекка ответила таким же. *Давай, сучка!*

– Что все это значит? – прошептала Ханна, подвинув стул так, что оказалась чуть позади Бекки. – Ты в порядке?

– Да. Просто вечеринка. Сегодня.

– Она тебя пригласила? – недоверчиво уточнила Ханна, и Бекке захотелось повернуться и врезать ей кулаком в лицо. Что вообще эта Ханна знает? У нее никогда не было много друзей. Никогда не было такой подруги, какой Наташа была для Бекки в детстве. Может, едва не умерев, Таша вспомнила об этом.

– Да.

Длинная пауза. Пит Крамер и Дженни читали первыми. Они были хороши, но Бекка не могла сконцентрироваться. Хотя этот разговор был коротким, они сказали друг другу больше, чем за все последние три года. Почему она была так взволнована? Что это было? И разве она сразу побежит только потому, что Наташа предложила? Ни за что! С какой стати? Бекка посмотрела на Хейли и Дженни, самодовольных и совершенных. Как же они будут злиться, если Наташа опять начнет разговаривать с Беккой! Они не будут знать, что делать.

– Я, наверное, не пойду, – сказала она, чувствуя тяжесть на сердце от тревожного взгляда Ханны. – Мы с Эйденом договорилась встретиться сегодня вечером.

Она не смотрела на Ханну, когда шептала ей это. Это было ложью. Она, скорее всего, *пойдет*, но ей не хотелось брать Ханну с собой. Если она и пойдет, то одна. Может, там будет дерьмово, они поведут себя, как стервы, и если так, то ей совсем не нужно сострадание Ханны. Кроме того – и эта мысль расплзалась нефтяным пятном вины, – если она возьмет с собой Ханну, то над ними точно все станут смеяться, и в результате они будут весь вечер сидеть в углу, мечтая оказаться где-нибудь в другом месте. Бекка не считалась крутой, но она была особенной. Ханна же была просто пустым местом в социальной конструкции улья.

– Будь осторожна, – сказала Ханна. – Ты знаешь, какие они.

Бекка не могла понять, что звучало в голосе Ханны – неодобрение или обида. Наверное, и то и другое. Голос у нее был как у *жертвы*.

– Я же уже сказала, что, скорее всего, не пойду. – Бумажка, зажатая у нее в кулаке, становилась влажной, и она убрала ее в карман.

Наташа выступала с Джеймсом Энсором, который был в очереди на роль Джона Проктора. Таша хотела быть Эбигейл, это ясно. Она тоже была бы хороша в этой роли – не настолько, как Дженни, но хороша, – и она, судя по всему, репетировала те сцены, которые смотрелись бы выигранно. Когда они закончили, собравшиеся разразились аплодисментами,

а Таша покраснела и улыбнулась. До этого они не хлопали друг другу.

– Они аплодируют ей только за то, что она жива, – пробормотала Ханна. – Будто это что-то большее, чем случайность или судьба.

Бекка ничего на это не сказала. Ханна, конечно, права. Но в этом было нечто большее. Они хлопали, потому что хотели ее одобрения. Она стала особенной. Все они хотели с ней дружить, теперь даже больше, чем раньше.

* * *

– Ты же придешь завтра, правда? – спросила Ханна, когда они направлялись к воротам после окончания прослушивания.

Наташа больше не разговаривала с Беккой, но озарила ее улыбкой и, обернувшись, произнесла одними губами: «До встречи вечером», уходя вместе с Барби.

– Завтра? – Она нахмурилась. – А что завтра?

– День рождения моей мамы. – Ханна выглядела обиженной, ее близорукие глаза на одуловатом лице, которое так и не очистилось полностью от подростковых высыпаний, оставивших на подбородке розовые шрамики, были печальны.

– Придешь на обед?

– Да, извини, – сказала Бекка. Конечно она все время помнила об этом. Это просто на секунду выскользнуло из ее памяти. – Да, я приду.

Ханна засияла, и Бекка внезапно ощутила, как ее переполняет нежность к ней. Ханна ее подруга. Она должна об этом помнить. То, что она не такая яркая, как Наташа, и то, что Бекка иногда расстраивается из-за отсутствия у нее внутреннего стержня, совсем не значит, что она плохой человек. Она хорошая. И умная. И умеет слушать.

Может, она и не пойдет на вечеринку. Может, будет просто смотреть фильмы дома.

Может быть.

*Выдержка из***КОНСУЛЬТАЦИИ ДОКТОРА АННАБЕЛЬ ХАРВИ ПАЦИЕНТКИ НАТАШИ ХОУЛЕНД,
ПЯТНИЦА, 15/01, 18.30**

НАТАША: А чего вы ожидали? Что все быстро станет на свои места только потому, что я снова нахожусь в школе и дома?

ДОКТОР ХАРВИ: У меня не было никаких ожиданий. Это то, чего ты ожидала?

НАТАША: Боже, да вы действительно психотерапевт! (*Смешок, затем пауза.*) Наверное, моя мама этого ждала. Думаю, она хочет знать, как я оказалась в реке, даже больше, чем я.

ДОКТОР ХАРВИ: А ты разве не хочешь этого знать?

НАТАША: Нет. Думаете, это странно? Нет, не отвечайте. Вы скажете: «Но не считаешь ли ты, что это странно?» Может быть, немного. Но я нормально себя чувствую. Меня не избили, не изнасиловали, ничего такого. Полицию это больше не беспокоит. И я полагаю, что можно сойти с ума, размышляя об этом, не так ли?

ДОКТОР ХАРВИ: Как прошел день в школе?

НАТАША: Хорошо. Знаете, все пялились на меня, но с этим я могу справиться. У нас было прослушивание – будем ставить пьесу. Все прошло отлично. Хейли и Дженни – я считаю их своими лучшими подругами – прилипли ко мне как банный лист, что, в общем-то, мило. Мне так кажется.

ДОКТОР ХАРВИ: Звучит неубедительно.

НАТАША: Нет, все хорошо. Они чудесные, пытаются избавить меня от любого, кто начинает задавать вопросы. Это довольно смешно выглядит. Будто у *нихсамих* нет вопросов.

ДОКТОР ХАРВИ: Каких именно вопросов?

НАТАША: В основном о том, на что это было похоже. (*Пауза.*) О том, как это – быть мертвой.

ДОКТОР ХАРВИ: Что ты им говоришь?

НАТАША: А что я могу им сказать? Я ничего не помню. Я думаю, они ждут, что я расскажу что-нибудь про яркий свет и тоннели. (*Пауза.*) Я пригласила Бекку на вечеринку.

ДОКТОР ХАРВИ: Вечеринку?

НАТАША: Сегодня. Ее устраивают в честь того, что я все еще жива. Я пригласила Бекку. Даже не знаю почему.

ДОКТОР ХАРВИ: Ты уже собираешься на вечеринку? Не рано ли?

НАТАША: Ха, в вас больше родительского, чем в моих предках.

ДОКТОР ХАРВИ: Они не против, что ты пойдешь?

НАТАША: О, уверена, что против. Хотя они этого не скажут.

ДОКТОР ХАРВИ: Бекка, похоже, важна для тебя.

НАТАША: Она была моей лучшей подругой. Очень давно. Я просто заметила, что стала больше о ней думать после того, как все это случилось. Раньше были я и она. Потом я, она и Хейли. Затем я, Хейли и Дженни.

ДОКТОР ХАРВИ: Вы поссорились?

НАТАША: Нет. Не совсем. Просто... в школе все меняется и все такое, правда же? Другие вещи становятся более важными. То, с кем ты общаешься. Что-то в этом роде.

ДОКТОР ХАРВИ: Но ты пригласила ее на вечеринку.

НАТАША: Да. Но она, наверное, не придет.

ДОКТОР ХАРВИ: Значит, Бекка была твоей первой лучшей подругой? Сколько вам было лет, когда вы познакомились?

НАТАША: Может, нам было по семь. Я не уверена. Мне кажется, я всегда ее знала.

ДОКТОР ХАРВИ: Возможно, ты с ней чувствуешь себя защищенной?

НАТАША: Что?

ДОКТОР ХАРВИ: В каждом из нас живет ребенок. Тебе шестнадцать. Ты почти взрослая. Но этот случай... Полученная тобой психическая травма могла повлиять так, что тебе захотелось почувствовать себя в безопасности, как в детстве. Возможно, твои родители не могут вполне удовлетворить это желание. И может, ты ждешь этого от Бекки?

НАТАША: *(Смеется.)* Мне кажется, вы слишком много об этом думаете. *(Пауза.)* Кстати, у меня бессонница.

ДОКТОР ХАРВИ: Почему?

НАТАША: Я не знаю.

ДОКТОР ХАРВИ: Что мешает тебе уснуть?

НАТАША: Ничего. В моей комнате все так же, как и было.

ДОКТОР ХАРВИ: Может, ты не такая же.

НАТАША: *(Молчит.)* Это темнота. Я боюсь темноты.

ДОКТОР ХАРВИ: Что тебя в ней пугает?

НАТАША: *(Длинная пауза. Ерзанье. Кашель.)* Я думаю, в ней что-то есть. Что-то плохое.

Бекка особо не наряжалась, во всяком случае, оделась не так, как обычно одеваются на вечеринки, – просто черная футболка на одно плечо и джинсы, но она сделала боевую раскраску, обвела контуры глаз темным карандашом, нарисовала длинные стрелки. Она думала, что благодаря этому будет выглядеть жесткой. Она *была* жесткой. Хотя до того момента, как она остановилась перед домом, который буквально пульсировал от музыки, не была уверена, что таки пойдет на вечеринку.

Она сказала маме, что встречается с девочками из школы и может остаться у них ночевать, успокоив ее, взволнованно кудахчущую, фразой: «Конечно я сообщу, когда мы будем дома», а потом написала Эйдену, чтобы узнать, сможет ли он забрать ее около часа ночи, может, раньше, и добавила, что ее отпустили на всю ночь. Вспомнив об этом, она улыбнулась, несмотря на то, что сильно нервничала.

Марк Притчард не был так богат, как Наташа, но у его семьи был большой дом с двумя гостиными внизу, просторной кухней и небольшим кабинетом в тыльной части, окна которого выходили в сад. Сначала, когда Бекка зашла с холода и ее живот вдруг скрутило от волнения, она никак не могла сориентироваться. Люди в яркой разноцветной одежде, которые топтались повсюду, выглядели, как вспышки. Некоторых она знала только в лицо. Несколько парней, выпускников прошлого года. Музыка, звучащая в холле, была слышна во всем доме. Тут она никогда не найдет Ташу. Бекка решила, что прийти сюда было самой большой глупостью, которую она когда-либо совершала. Они все будут над ней смеяться?

Все. Плюнь на это. *Кто такие все? Ты ведь только Барби имеешь в виду. Ты не Ханна. Никто больше не посмеивается над тобой. Тебя не замечают, но ты не та, над кем шутят.* Но, может, она только выходкам Барби и придавала значение. А если они сделают что-то, чтобы унижить ее здесь, перед всеми сверстниками, тогда она *точно станет* посмешищем. Еще одной Ханной. Может, ей прямо сейчас стоит написать Эйдену. Может, ей просто...

– Бекс!

Она подняла голову. Со стороны кухни ей помахала рука, а затем Наташа начала пробираться мимо пьющих и разговаривающих в коридоре людей. И вот она схватила Бекку за руку.

– Разве тут не отлично? Мама Марка даже оставила нам запас еды и выпивки. Пойдем!

Пути назад не было.

Она сняла пальто в кухне, приветственно кивая всем, кто попадал в ее поле зрения, и осторожно отыскивая взглядом Хейли и Дженни, а Наташа тем временем наливала им обеим крепкий коктейль, состоящий из водки и клюквенного сока.

– Ну, давай! – Они чокнулись пластиковыми стаканчиками. – За то, чтобы быть живыми.

Пока Бекка пила – слишком быстро, нуждаясь в заряде для уверенности, – она думала, что Таша никогда не выглядела лучше, чем сейчас, после того как чуть не умерла. Ее кожа сияла даже под бронзатором, мерцающим, как звездная пыль, на обнаженных руках и шее. Она выглядела изящной, просто идеальной в своих зауженных джинсах и блестящем полосатом топе. Рядом с ней Бекка почувствовала себя регбистом во всем облачении. Она опустила взгляд на свои удобные ботинки «Dос Martens», а потом на Наташины кремовые десятисантиметровые шпильки. Они и правда были лучшими подругами? Как так вышло, что они теперь настолько отличаются друг от друга?

– Так рада, что ты пришла! – От Наташи пахло духами и жевательной резинкой. От Бекки же, без сомнений, разило сигаретами. – Можешь спасти меня от Марка? Он начинает меня бесить. Сколько раз мне нужно сказать «нет»? Тебе не кажется, что как-то странно хотеть встречаться с девушкой в основном из-за того, что она чуть не утонула? Он мог бы встречаться с Хейли. Ей он как раз нравится.

– Где Хейли? – Она пыталась говорить непринужденно, но взглядом настороженно сканировала тусовщиков.

– А, она и Дженни пошли поразвлечься. Они скоро вернутся. Пойдем потанцуем.

Бекке впервые совсем не хотелось танцевать, поэтому, прежде чем последовать за Ташей туда, где играла музыка, она схватила бутылку водки и налила себе так много, что от клюквы остался еле заметный розовый след. До сих пор «танцевали» только пять или шесть девочек, покачиваясь в такт музыке, смеясь и разговаривая. Они кинулись обнимать Наташу и подвинулись, освободив для нее место. Затем одна из них, Викки Спрингер, которая тоже была на прослушивании, посторонилась, впуская в круг Бекки.

– Бекка! Если ты знаешь, как мистер Джонс распределил роли, давай, поделись! А еще лучше, если бы ты вычислила, кого из нас он бы трахнул, я бы заплатила за информацию! – Ее глаза были стеклянными – видно, она немало выпила. Наверное, рано приехала на вечеринку. – Он вполне может на это рассчитывать. Ты скажи ему. Учитывая, насколько он популярен, думаю, ему не терпится добраться до кого-нибудь из нас.

– Может, он разрешит избраннице поделиться с нами, – подхватила Джоди.

Все взвизгнули и расхохотались. Спиртное ударило Бекке в голову, и она тоже смеялась, соглашаясь с тем, что мистер Джонс – горячий парень, и все они хотели бы с ним перепихнуться, хотя она совсем об этом не думала и не могла представить, что можно изменить Эйдену с кем угодно. Они порхали вокруг нее, желая услышать больше подробностей о нем, будто у Бекки был «специальный допуск», раз она занималась оформлением сцены. Может, так оно и было, но, возможно, еще и потому, что она была единственной, кто *не пытался* залезть ему в штаны.

«А здесь довольно весело», – подумала она, в то время как ее взгляд метался по комнате. Все парни делали вид, что им пофиг, но тайком наблюдали за танцующими красотками, а девушки думали о том, как бы переспать с кем-нибудь намного старше их. У нее слегка кружилась голова, и она смеялась без причины, покачиваясь вместе с остальными. Она часто курила травку, но пила не так регулярно, и водка сразу ударила ей в голову. Теперь она была в улье и участвовала в гудении. Осознав это, она громко рассмеялась.

Внезапно появился Марк и схватил Наташу за руку. Она пыталась высвободиться, но он наклонился и прошептал что-то ей на ухо. Она кивнула, а затем взяла Бекку за руку:

– Пойдем. Они вернулись.

Было непривычно ощущать теплые тонкие пальцы Наташи на своей руке. Она почувствовала себя снова десятилетней, отправившейся на поиски приключений со своей *лучшей подругой навеки*. Это казалось странным сном, где прошлое растворилось в настоящем и все стало каким-то нереальным. Она одновременно чувствовала себя как дома и при этом не в своей тарелке. Последнее чувство взяло верх, когда она втиснулась вслед за Барби и парой парней в кабинет и за ней закрылась дверь.

– Ну, ты в деле? – спросила у нее Хейли, пока Дженни собирала деньги у семи, а может, восьми подростков, которые были здесь. – Если да, то понадобится наличка. Дженни собирает на университет. Так что без халявы. – Она пристально смотрела на Бекку.

– Будто Дженни поступит хоть в какой-то, – хихикнул Марк. – Маленькая Мисс Пересдача математики.

– Я заплатила за грамм, – сказала Наташа, – так что Бекка может взять у меня, если хочет. Не будь такой стервой. – Это было сказано беззаботно, но Бекка видела, как Хейли дернулась. – Марк, это и тебя касается. Дженни умнее, чем ты думаешь.

Хейли не сводила холодного взгляда с Бекки на протяжении всего разговора, а на этой фразе ее взгляд метнулся к Дженни, потом к Наташе и снова остановился на Бекке.

– Ты будешь или нет? – спросила она.

– Что это? Мет ^[5] или кокс? – спросила Бекка.

– Мет, – ответила Дженни, засовывая свернутые купюры в кошелек. – Качественная хрень. Унесет все твои заботы. – Она достала упаковку сигаретной бумаги и отдала ее парням, которые уже начали разворачивать свои порции. – Лучше не нюхай, а выпей. Так сильнее накрывает. Да и держит дольше. И ты не будешь следующие полчаса думать, что у тебя горит нос.

– Остаться друзьями с дилером, с которым встречалась твоя мама, лучшее, что ты когда-либо делала, – сухо сказала Хейли.

Когда парни начали аккуратно насыпать мерцающий белый порошок на сигаретную бумагу, Бекка посмотрела на их сверточек, лежащий на кофейном столике, чувствуя на себе тяжелые взгляды Барби.

– Конечно. Почему бы и нет? – сказала она.

– Так начнем же вечеринку! – воскликнула Наташа.

– Уверена, что тебе тоже стоит? – спросила у нее Бекка, сразу же возненавидев себя за то, что проявила благоразумие. – Ну, знаешь, после того, что случилось.

– Я физически хорошо себя чувствую, – сказала Наташа.

– Да, точно. – Марк подмигнул ей и, сунув в рот завернутый в бумагу наркотик, запил пивом.

Наташа посмотрела на Бекку и закатила глаза. Хейли слегка выставила вперед свой идеальный подбородок. Дженни переводила взгляд с одной подруги на другую, насыпая наркотик на бумажки. Бекка задала себе вопрос, было ли это расколом в лагере Барби? Из-за идиота вроде Марка Притчарда?

– Поехали, – сказала Дженни, протягивая руку с четырьмя свернутыми бумажками на ладони. – Они все одинаковые, так что берите любую.

Они выжидающе смотрели на Бекку, и она глубоко вздохнула. Значит, она первая. Это что, какая-то проверка? Пожалуй. В улье все было проверкой. Она взяла одну порцию. Не закончится ли все это плохо? Ну, не хуже, чем выглядеть идиоткой перед крутой школьной компанией. Она положила пакетик в рот, думая, не засунуть ли это за щеку или еще каким-то образом не проглотить. Вариантов не было. *Хрен с ним*, решила она. *Поехали*. Она подняла стакан и сделала большой глоток, запивая самодельную таблетку.

[Купить полную версию книги](#)

«Netflix» – американская компания, поставщик фильмов и сериалов на основе потокового мультимедиа. (Здесь и далее примеч. переводчика.)

«Суровое испытание» (1952 г.) – пьеса Артура Миллера, основанная на реальных событиях, произошедших во время судебного процесса над салемскими ведьмами.

Сверхтонкий ноутбук фирмы «Apple».

«Kindle» – торговая марка изготовителя электронных книг.

Мет – метамфетамин, наркотическое вещество.